

Иван Паластров

Дорога жизни

Иван Паластров

Дорога жизни

«Издательские решения»

Паластров И.

Дорога жизни / И. Паластров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831741-5

Жизнь — это книга. Есть люди, которые ее пишут. Есть те, которые читают. Я желаю вам написать «свою книгу» — яркую, полную впечатлений, любви, счастья, понимания — такую, чтобы было, что вспомнить и другим рассказать!

ISBN 978-5-44-831741-5

© Паластров И.
© Издательские решения

Содержание

1. Мое село	7
2. Далекие 50-е – Кирпичный заводик	8
3. Каменнуха	9
4. Церковь	10
5. Кино привезли	11
6. Зима	12
7. Зимний выходной	13
8. Дрова	14
9. Пасха	15
10. Валенки	16
11. Технология	17
12. Районный вокзал	18
13. Наши сладости	19
14. Саранки	20
15. Лето...	21
16. Баня	22
17. Речка Теча	23
18. Колодец	24
19. Лампочка	25
20. Довесочек	26
21. Хлеб с маслом	27
22. Стога	28
23. Деньги на ириски	29
24. Реможник I	30
25. Черёмуха	31
26. Изба	32
27. Радио	33
28. Костры	34
29. Лён	35
30. Камышовая циновка	36
31. Рождество	37
32. Ледоход	38
33. Весенние пригорки	39
34. Гуси	40
35. Старая пожарка	41
36. Поскотина	42
37. Сосновый бор	43
38. Тополя	44
39. Скворцы	45
40. Хлеб с молоком	46
41. Маме посвящаю	47
42. Ранетки	48
43. Фонтаны	49
44. Омут	50
45. Гнездо перепёлки	51
46. Гроза	52

47. Печник	53
48. Плотик	54
49. Иней на деревьях	55
50. Ботинки для пионера	56
51. Семечки	57
52. Повариха	58
53. Коряушко	59
54. Конопля	60
55. Зыбка	61
56. Самануха	62
57. Кузня	63
58. Колька. На мельнице	64
59. Лога (овраги)	65
60. горький дым	66
61. Укус гадюки	67
62. Земляника с молоком	68
63. Шмелиный мёд	69
64. Рождество-2	70
65. По лужам босиком	71
66. Удар молнии	72
67. Печёнки	73
68. Жвака	74
69. Пучки	75
70. Пенки	76
71. Угоры	77
72. Ключик	78
73. На току	79
74. Дядя Боря	80
75. Родное... до боли	81
76. Суслики	82
77. Березовка	83
78. Стрижи	84
79. Большие деньги	85
80. На мельницу	86
81. Пучки	87
82. Обычный день сентября	88
83. На угоре	89
84. Веники	90
85. Воробьи	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дорога жизни

Иван Паластров

© Иван Паластров, 2016

ISBN 978-5-4483-1741-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Мое село

Мое село было основано во времена Демидовых. Место было выбрано красивое, на небольших холмах – угорах, с небольшой речкой Течей. Село было большим, основные улицы тянулись вдоль берегов речки с небольшими примыкавшими улочками и проулками. Было много каменных домов и большая церковь. Когда-то село было богатым, но революция распорядилась по своему, церковь закрыли и богатых крестьян разорили, отобрав у них все дома и землю. В селе провели коллективизацию и организовали три колхоза. Но вскоре их объединили в один. В общем, как и по всей стране в те далекие времена. В колхозе, после войны, было большое хозяйство: были коровы, свинарник, птичник, овчарня и свой огород для овощей.

Люди, конечно, работали за трудодни и им доставалось то, что не забирало государство, а не забирали самую малость, чтобы как-то прокормиться. Недавно закончилась тяжелая война и в стране было тяжело всем. Народ понимал это и старался помогать стране как мог. Правда, жизнь потихоньку налаживалась, и жить становилось легче. В селе была школа-семилетка, кто хотел учиться дальше – учились в районной школе. Многие оставались и шли в колхоз работать. После семилетки было нам по 14—15 лет.

Дальше я постараюсь описать наше детство, в то далекое время в селе.

2. Далекie 50-е – Кирпичный заводик

У нас в селе был небольшой кирпичный заводик. Так, только для своих нужд, в те далекие времена с кирпичом было туго. Чтобы сделать хороший кирпич, нужна хорошая глина. Глина у нас была неподалеку от села, ну, примерно, в километре. Вот там и стоял наш заводик. Природа вокруг была очень красивая, мелкие березняки на холмистой местности. Вот в таком месте и брали глину. Глину возили на двухколесных повозках, запряженных лошадьми. Повозки были самосвальными и грузились вручную лопатами, а мы, пацаны, управляли лошадьми и отвозили глину к бункерам.

Это такие ямы, в которых замачивалась глина с добавлением песка. Песок тоже привозили на телегах с берега речки. Глину замачивали и мешали, а мешали ногами: то есть ходили по бункеру. А глина должна быть как тесто на пельмени, то есть мягкой. Возле ямы с этой глиной стоял большой двухметровый деревянный стакан со шнеком внутри, ну, как у мясорубки, только вертикально. В стакан из ямы, опять же лопатами вручную, закидывали глину. Эту работу делали исключительно мужчины, так как она была тяжелой. Шнек в стакане вращался с помощью лошади: лошадь ходила по кругу вокруг стакана. Внизу стакана было отверстие для выхода глины, отверстие было размером чуть больше кирпича. Из отверстия выходила глина как паста из туба, и опять же мужчина нарезал куски по размеру и складывал на ручную тачку по несколько штук. Тачки с заготовками тащили в большой сарай, построенный таким образом, чтобы в нем все время был сквозняк. Заготовки везли к формам и женщины формовали кирпич, складывая его таким образом, чтобы он продувался сквозняком. Так делали месяц.

После этого сырой кирпич сох до осени. Осенью подсохший кирпич складывали в специальную печь для обжига. Складывали таким образом, чтобы под ним можно было топить. Топили до тех пор, пока кирпич не обожжётся и не станет звенеть. Вот примерно так в селе производили кирпич. Мы, ребятня, принимали посильное участие в этом нужном деле. В зимнее время, дети школьного возраста, каждый выходной ходили на эти угоры кататься на лыжах, мы так и говорили – пошли кататься на кирпичное.

3. Каменнуха

Каменухой в селе называли место в березовом лесу, в трех километрах вниз по течению речки Течи. А называли потому, что там был выход коренных пород камня. Когда-то там брали бутовый камень для фундаментов домов. Там в то время геологи пробурили скважину и из нее текла вода небольшим фонтаном, на высоком берегу речки. На Каменухе пасли коров жителей села, трава там все время была сочной и густой, лес-то березовый, светлый.

Туда же мы ребятня, бегали на вырубку за глубяной и за груздями, которые любят расти в березовом лесу. Наломав груздей шли к фонтану их мыть, так как брали только сухие грузди, а они были в старых листьях и земле. Так уж они растут, под старой листвой, их еще найти нужно. Но мы знали все места где они растут. Грузди, конечно же, солили и из свежих варили груздянку и пекли пороги. Это скажу я вам не из обабков суп, а груздянка, у кого растут грузди, тот знает, что это за блюдо. Были и сырые грузди и очень много, они тоже растут семьями и собирать их одно удовольствие. Они не бывают червивыми, потому как с горечью, которая при засолке теряется. Сырые грузди мы сдавали в заготконтору, там их солили в деревянных кадках, а потом зимой продавали городским жителям. Сырые грузди тоже вкусны соленые, но сухие мы считали вкуснее и для себя солили только их.

Глубяну сушили, зимой она шла на начинку шанег и пирожков. Каменуха кормила скотину, и нас. В 60—70 годах на Каменухе открыли карьер по добыче камня для щебня. В настоящее время Каменуху не узнать – березовый лес почти весь вырубил на дрова, и засадили сосной. Тоже хороший, чистый лес с отличным воздухом.

Но карьер сделали там зря, там оказались залежи урана и все это разворошили. Пока не было карьера, радиационный фон был в норме, а сейчас повышенный. Но все равно ходят туда за груздями и ягодами, правда карьер обходят стороной. Вот такая у нас в селе Каменнуха.

4. Церковь

В нашем селе стоит церковь, высокая и большая. Говорили, что такая высокая церковь есть только в Москве. Я был в Москве и сейчас живу под Москвой, но не видел такой высокой как в нашем селе. В церкви были два этажа для молящихся, такого я не видел ни в одной церкви. Может первый этаж был построен для других нужд, но второй был сделан очень красиво и зал был очень светлым. Окна были большими и давали много света. Стены и потолок были разрисованы святыми и можно было смотреть на этих святых долго, так хорошо они были нарисованы. Купол был тоже разрисован, только ангелами и лепниной маленьких ангелочков. Колокольня была еще на три этажа выше залов и туда вела узкая винтовая лестница. К основному зданию, с торца, была пристроена ротонда, на уровне второго этажа и в ней располагалась широкая винтовая лестница. Была еще одна маршевая лестница и в стене узенькая, темная, винтовая лестница, наверное, для священнослужителей. Пол первого этажа был из чугунных плит, второго этажа – из досок. Вокруг церкви была ограда метровой высоты, выложенная из кирпича. Двор церкви был большим и там хоронили священнослужителей и богатых сельчан. Были в ограде и два входа, сложенные из кирпича аркой с колоннами. Также были ворота, тоже с колоннами и с кованными решетками. Двор был квадратным и одна сторона засажена тополями. Вот все это великолепие было закрыто после революции.

В 50-е в церкви что только не было – был и склад зерна, там сушили зерно. Одно лето на первом этаже крутили кино, так как клуб был на ремонте. В основном церковь была закрыта и пустовала. Окон на первом этаже не было. Нам же ребятам, было интересно попасть вовнутрь церкви: там внутри было все таинственно и красиво. Мы находили способы, как залезть вовнутрь. Особенным шиком и смелостью было пройти по широким карнизам второго этажа. И верхом красоты было залезть по узким винтовым лестницам на колокольню. С колокольни открывался такой красивый вид, что аж дух захватывало. Село стояло на холма и церковь была построена на самом высоком месте. С колокольни было видно далеко, и были видны поля на той стороне речки, с колками леса. Рядом с церковью стояли два больших деревянных дома. Говорили, что в них жили священнослужители. В этих домах была наша школа, в одном учились малыши до четвертого класса, в другом с пятого до седьмого. В селе была семилетка.. Вот такой церковный комплекс был у нас в селе.

В настоящее время церковь обветшала, крыша ротонды провалилась, лестницы тоже разрушились. И я думаю, что сейчас в нее никто уже не лазит, некому и опасно. Некогда очень большое село вымирает. Такова сегодняшняя реальность и это очень печально, идет вымирание села...

5. Кино привезли

В селе у нас был клуб – это центр нашей сельской культуры. В клубе проходили собрания, справляли новогоднюю елку для детворы, концерты самодеятельности. Петь в то время было кому, девчата были голосистые. Также смотрели фильмы, которые привозили раз в неделю. Кино привозил киномеханик на телеге, запряженной лошадей. Приехав в клуб, он давал задание нам, ребятам, (мы его встречали самые первые), развесить по селу афиши. Конечно, не за так: за это он пускал нас посмотреть фильм бесплатно. Установив аппарат в клубе и заправив движок-генератор, который привозил с собой, механик запускал нас в зал. Фильм показывали два раза, днем – для детей и вечером – для взрослых. Детские билеты стоили тогда 5 копеек. Но и таких денег было не у каждого, Откуда им было взяться, когда родители работали за трудовни. В то время магазин принимал куриные яйца, как раз 5 копеек яйцо, ну вот, эта проблема была для нас решаема, яйца куриные были в каждом доме.

Попав вовнутрь, мы рассаживались на деревянные скамейки, которые были без спинок или усаживались прямо на полу, кому как удобней, и смотрели кино. Вечером детей не пускали, и те кто не посмотрел кино днем по разным причинам, пытались пробраться в зал всякими путями. Прятались под лавками или пытались посмотреть в окна, которые вечером не закрывались. Но так было только летом, Зимой в окна не посмотришь, да и дни были короткие, в это время мы были все уже по домам.

Вот такое было у нас кино. Чуть позднее пристроили кирпичную кинобудку, клуб-то был деревянный, и поставили кино аппарат, и тогда кино стали привозить чаще и был свой киномеханик.

6. Зима

Зима приходила всегда в свое время. Зимы мы ребятня ждали с нетерпением, ждали снега. Уже надоела осень и дождливая погода. Правда в то время сентябрь и половина октября всегда были теплыми и сухими и нам тоже нравилась такая погода. Сухая и красивая, яркими красками раскрашены лес и поля. Нравилась порой печеной картошки в поскотине, после занятий в школе. Но это все до дождей. Начинались затяжные дожди и начиналась грязь. Небо было пасмурным и помногу дней не было солнца. Но заканчивалось и это. Снег выпадал как правило ночью.

Пробудившись утром мы не узнавали двор и село. Все было белым-бело, чистое и светлое. Правда, первый снег быстро таял, но мы успевали на переменах поиграть в снежки и слепить снеговика. Но вскоре снег ложился насовсем, на всю зиму. Все, пришла зима с первыми небольшими морозами, но они становились все крепче и крепче.

Наступала пора санок и лыж. Село наше стояло на холмах и кататься нам было где и катались кто на чем. В то время у нас не было заводских санок и катались на самодельных. Были и такие, крепко связанные как сани, в которые запрягали лошадей, только маленькие, были и попроще – из брусков. Лыжи тоже были почти у всех самодельные, только в школе, для уроков физкультуры, лыжи фабричные. Но мы и не думали у кого какие санки и лыжи, катались и дурачились вволю и до самого вечера.

Домой приходили раскрасневшимися: румянец во все щеки и с заледеневшей одеждой и такими же варежками, и страшно голодными. Раздевшись, одежду вешали возле печки на просушку и так же валенки, садились есть. Наевшись, лезли на русскую печь спать. Печи были в каждом доме.

Спали все дети вместе на печи или полатах. Полати – это особая песня, полати всегда таили в себе что-то таинственное, там всегда было интересно. Вот так проходили зимние дни, но это только в будни. В выходные было по-другому, но это другой рассказ.

Полати, широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

7. Зимний выходной

Зимой выходной ждут все те, кому он положен. Нет выходных только у тех, кто работает с животными: это доярки, скотники, которые подвозят корма и все остальные. Животных и птицу нужно кормить – у них выходных не бывает. Мы же, детвора, особенно мальчишки, ждем выходного, чтобы покататься на лыжах на холмах кирпичного. Кирпичное называется потому так, что там стоял колхозный кирпичный заводик. Это место было в березовом лесу, очень красивом и холмистом. Кататься на лыжах там было одно удовольствие. Лыжня проходила все время по одному месту каждый год. Она не зарастала кустами, переходя с одного холма на другой. Собирались по несколько человек и бежали по лыжне на любимые места, и там, на холмах, прямо на лыжах, играли в пятнашки. Это было так здорово! Перекатываясь с одного холма на другой, гоняться друг за другом. Это был своеобразный слалом. Мы все умели хорошо кататься с холмов и редко падали и ломали лыжи. Сломать лыжу, для нас это была трагедия. Мы устраивали посреди какого-нибудь спуска из снега небольшой трамплин и это было особым шиком – прыгнуть с него на скорости. Это не у каждого получалось.

Накатавшись и наигравшись вдоволь, бежали домой, так как были очень голодные и все в снегу. Дома, конечно, мама кормила чем-нибудь горячим из печи, и мы залезали на печь или на полаты или садились за уроки. Вот, примерно, так проводили мы свой выходной и зимние каникулы.

У девчонок были свои девчачьи игры, непонятные для нас, мальчишек. Как это можно сидеть дома и не бегать на лыжах на кирпичное? Но у них были свои не менее интересные игры. В будние дни, мы, конечно, все: и мальчишки и девчонки, катались с горки в селе вместе. Так было до 14 лет.

8. Дрова

Зима в Зауралье длинная и морозная. Снегу выпадает много и наметает его по дворам и между домов по самые верха плетней у огородов. Взрослым это работа, снег нужно убрать со двора, а нам ребятне забава, строили крепости и рыли в твердом снегу норы. Зимой дома все отапливались дровами. Дрова заготавливали прямо в лесу. В колхозе был свой лес, конечно, не такой как государственный, похуже и не массивами, а колками и поскотиной. Но все равно лес, и росли в нем березы и осины. Колхозный лесник определял делянку, где можно было заготавливать дрова. И вот весной, когда только сойдет снег, все идут в эту делянку на заготовку дров на следующую зиму, эту-то уже перезимовали. Деревья валили в то время, когда по дереву идет сок, в это время дерево мягкое и легко пилить и колоть. Деревья пилили на коротенькие чурки, по размеру печи и сразу кололи. Затем складывали их в поленницы, прямо тут на делянке, чтобы за лето они высохли. По домам их развозили только осенью или по первому снегу на санях, запряженными лошадей. Машин в селе было совсем мало. Дрова лежали все лето в лесу и не было случая, что бы их украли.

Может это потому, что не было машин, а может быть прошедшая война приучила людей не делать этого, жилось всем трудно, особенно вдовам с детьми. У людей была совесть. В это время, мы, ребятня тоже участвовали в заготовке дров, потому что за пилу нужно дергать с двух сторон, а одна мать этого не сделает. С ранних лет мы делали эту работу, но все равно было весело, так как на делянке всегда было много народу и мы делали лунки в пеньках свежеспеленных берез, чтобы попить сладкого березового соку. Заготовка дров шла пока еще не началась посевная в колхозе и еще не садили в огородах. Дрова напилены, наколоты и уложены в поленницы, до осени они будут сохнуть. Зимой в домах будет тепло!

9. Пасха

Много разных праздников у нас: и советские, и религиозные. Но один праздник был и есть – это Пасха. Сейчас, в современной России, справляют Пасху тоже, но совсем не так, как справляли ее мы, в те далекие времена. Пасху ждали, к Пасхе готовились, в Пасху заканчивался пост. Накануне красили яйца, в основном отваром луковой шелухи, это самый чистый краситель. Яиц красили много, чтобы можно было одарить всех родных и друзей, так же побиться носиками яйца с другими и желательно выиграть – побитое яйцо проигравшая сторона отдавала выигравшей. Но это делается и в наше время. У нас в селе, взрослая молодежь, вкапывала в землю высокий столб, с коваными крючьями, вращающимися на подшипнике. На каждый крюк накидывалась веревка с петлей. Крючьев было четыре И веревок тоже. Это была своеобразная карусель, и катались сразу четыре человека. Раскручивали каждого длинным шестом, один сидит в веревочной петле на попе и один его раскручивает шестом, и так сразу всех четверых. Раскручивали на длину шестов, и все четверо летали по кругу вокруг столба. Это было очень зрелищно и весело. Те, кто вращался на веревках визжали от восторга, особенно девчата. Это было по вечерам целую неделю, а днем катались мы, детвора, и тоже было очень весело. У качели собиралось много народа и веселились до самого позднего вечера, пока было светло. Пасха всегда весной и всегда была хорошая, теплая и солнечная погода. Пасха – самый веселый праздник весны, после Пасхи начинались полевые работы и на огородах тоже готовились к посадке овощей. Вот такая была Пасха в то время!

10. Валенки

В то далекое время в нашем колхозе был огород, в нем выращивали овощи: огурцы, капусту и так далее. Работа в основном была с весны и до осени, зимой было свободнее. Мама работала на этом огороде. Зимой было больше свободного времени. Наша семья в нескольких поколениях занималась пимокатством. Катать пимы умели все, это передавалось по наследству, так же это умела делать и моя мама. Так как наша семья была очень бедной, пимокатство помогало нам зимой выжить. Мама катала валенки на заказ. В селах в то время все ходили в валенках, по-уральски и сибирски – пимах. Заказов было много, но эта работа была тяжелой и мама принимала заказы по своим силам, не больше. Расчет брала натурой, то есть продуктами, и это нам очень помогало. Своего не было ничего, только картошка и хлеб. Своей шерсти у нас не было, но у меня каждую зиму были новые валенки, так как шерсти давали чуть больше, чем нужно было на пару. Правда шерсть оставалась разная по цвету, черная и белая, но это нам не мешало, валенки были теплыми. Это единственное, что у нас было новым каждый год. Иногда у нас в доме вязали соломенные маты для колхозного огорода. Весной ими закрывали парники для огурцов на ночь, чтобы не замерзли. Вот так и проходила зима. На маме закончилась семейная профессия пимокатов, мы уже не умеем этого делать, хотя я помню весь процесс. Сейчас эта профессия очень редкая, валенки не стали носить, если и носят где, то фабричные. Валенки ручной работы, на много лучше фабричных, они мягче и теплее.

11. Технология

Я писал выше, что моя семья, старшие поколения, были пимокатами. В те далекие времена за Уралом и в Сибири зимой все ходили в валенках, по нашему в пимах. Моя мама тоже умела катать пимы. Скажу – работа эта делалась вручную и была тяжелой. Моя мама хотя и была небольшого роста и худенькой, но руки были как у всякой крестьянки, сильные.

Как катаются пимы: для пимов нужна овечья шерсть, когда овец стригут, шерсть еще грязная и комками, такая шерсть для работы не годится. Шерсть нужно расчесать, или как говорили тогда – разбить. Была специальная машина для расчесывания шерсти и на ней ее расчесывали, вращая барабан в ручную. Вот такую расчесанную шерсть и приносили для валенок. Шерсть раскладывалась на квадратную, тонкую мешковину толстым слоем и скатывали ее в тугий рулон. Рулон начинали катать по верстаку, как скатывают лист бумаги. Это делается для уплотнения шерсти в этом рулоне. Затем из этой, уже уплотненной шерсти, формируется заготовка будущего валенка, она получается большой и мягкой. Эту заготовку помещают в бак с теплой водой, чтобы он намок. Когда заготовка намокла, ее начинают стирать, то есть бить и мять, заливая вовнутрь горячую воду до тех пор, пока заготовка не сядет до размеров валенка.

Дальше нужны колодки. Колодки – это деревянные ступни, сделанные по форме ноги и имеют разные размеры. Ноги-то у всех разных размеров. Колодку помещают вовнутрь носка валенка и опять бьют, подгоняя по размеру колодки. Для голенища свои колодки, тоже по форме и одна клином, забивается между двух крайних, так как голенище кверху шире. Затем этот валенок помещают в русскую печь, на просушку. Просохший валенок обстригают по верху и пемзой убирают все торчащие волоски. Валенки готовы. Таим образом уходило два дня на пару валенок.

Вот такая технология была раньше для изготовления пимов-валенок. Теплее валенка обуви еще не придумали. Есть спецобувь, но она стоит дорого. Валенки были для работы, были и для выхода чесанки. Это все тоже, только тоньше и изящней. На валенки одевали галоши, тогда они не теряли форму и не намокали.

Носите валенки и у вас не будут болеть ноги!

12. Районный вокзал

Нет, у нас в селе не было вокзала, так как не было и железной дороги. Вокзал был в районном центре Далматово. Тогда, давно, это был построенный из леса и обшитый вгонкой вокзал. Они все были типовые на железной дороге, одинаковые. Только в городах побольше и больших, вокзалы были большими и каменными. В вокзале был небольшой зал ожидания и отапливался он печами-голландками. В углу было небольшое окошко кассы, где покупали билет на поезд. Так же был буфет, где можно было поесть горячие блюда, там же была и кухня, где готовили и жарили. В то время на каждом вокзале стоял запах жареных пирожков, пирожков с капустой и картошкой, и с разной другой начинкой. Очень вкусный шел аромат от всего этого. Также в углу стоял эмалированный бачок с водой для питья и алюминиевой кружкой, прикованной цепочкой.

На перроне к стене вокзала был приделан колокол, и когда приходил или отправлялся поезд, в него звонил станционный служащий. На перроне всегда пахло паровозами, шлаком и еще непонятно чем. Но запах был не противным, а каким-то вкусным, запах железной дороги. Вокруг здания был разбит палисад с кустами сирени и акации, там стояли скамейки, где можно было посидеть летом, в ожидании поезда.

Сейчас таких вокзалов осталось очень мало, сейчас новые, каменные и большие. Хорошие вокзалы, и тоже с буфетами и кафешками. Но нет того аппетитного запаха, тех старых вокзалов. Нет запаха паровозов и шлака, так же и нет бачка с водой, и кружкой на цепи.

Все ушло в прошлое и мало кто помнит тот старый вокзал с колоколом и палисадником.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

13. Наши сладости

В то время в магазине тоже были конфеты, были и печенье с пряниками. Пряники были ржаные с розовой глазурью и белые мятные. Конфеты были в основном карамель – подушечки, помадка и как мне казалось, самые вкусные, ирис «Кис-кис». Были и в обертках, но они были дороже и не для нас. Денег было совсем мало, в основном на керосин для ламп, на соль и спички, так что на конфеты нам не перепало. Тогда почти в каждом дворе были ямы-погреба. Они были выкопаны прямо во дворе, внутри обделаны тонкими бревнами, а сверху навален толстый слой земли с лазом. В этих погребах хранились зимой овощи и всякие соления, как капуста, огурцы и помидоры, ну и соленые грузди. Летом же погреб служил холодильником, в нем хранили молоко и квас. Погреб открывали зимой, когда все запасы, отложенные в подполье, были съедены, в тепле овощи долго не хранятся. Откапывали лаз в погреб от снега, спускались туда и набирали нужные продукты. Доставали часть картофеля и другие овощи и снедь. Картофель, прихваченный холодом, становился сладким и мы его с удовольствием ели прямо сырым. Также и другие овощи – как морковь и брюква. Картофель через пару дней, полежав в тепле сладость терял. Мы всегда ждали эти походы в погреб, так как это делалось не часто, чтобы не заморозить в нем все, что лежит.

Летом в погребе всегда было прохладно и продукты не портились в нем какое-то время. Вот такие сладости были у нас зимой в селе у детей. Конфеты тоже родители покупали иногда, но всегда выдавались нам по чуть-чуть. Мы, конечно, находили выход из такого положения, сдавая яйцо. Тогда их в магазинах принимали и на это покупали конфеты. Особенно нам нравился ирис «Золотой ключик».

Конечно и сейчас есть погреба в селах и деревнях, но никто, наверное, уже не ест картофель сырым, а также овощи как брюкву, которая тоже, когда полежит в погребе, становится вкусной, как и морковка. Я думаю что поговорка «Не ел слаще морковки» пошла с тех времен, и это правда, я бы добавил, полезней!..

14. Саранки

Закончилась зима, только сошел последний снег в лесу. Зима поднадоела и хотелось солнышка и тепла. Самое первое лакомство, конечно же, березовый сок. В это же время в лесу по колкам можно было полакомиться саранками. Саранка это луковица лилии кудреватой, сейчас она занесена в красную книгу. На вкус она не очень-то вкусная, но есть ее можно и мы бегали в лес выкапывать эти луковицы. Мы не думали тогда о витаминах, просто выкапывали и ели, потому что нам они нравились. Уже в то время это растение нужно было найти, так как росло оно не везде и редко. Но мы знали все места, где растут саранки. Мы, мальчишки, собирались гурьбой и бежали в колки выкапывать луковицы. Колок это небольшой участок леса, где росли березы, осины и кусты черемухи с боярышником. В лесу всегда было интересно в любое время года. Мы всегда находили в нем чем полакомиться начиная с весны. Даже зимой мы могли полакомиться ягодами шиповника, кожица ягод была сладковатой и приятной на вкус. Летом рос дикий лук и щавель и много других ягод. Все это мы собирали на зиму и ели прямо с куста. Мы не боялись есть все это немывыми и никогда ничем не болели. Мы убегали на улицу с самого утра и бегали в лес, домой приходили только поесть и поспать. Но при этом не забывали делать свою работу по огороду, полив грядок, это было за нами. Лес нас кормил всегда, так же он давал нам здоровье.

Свежий воздух еще никому вреда не принес.

15. Лето...

Летом конечно нам ребятам, было вольготно в селе. Где мы только не были, куда мы только не ходили и не лазили. Лес, естественно, мы знали по всей округе, так же знали у кого что растет в огороде. В лесу мы собирали что в нем растет, ну и в огородах тоже. Хотя у всех были огороды и у всех все росло. В своем огороде вкусно и сладко, но в чужом, конечно, же вкуснее и слаще. Лазили за огурцами, лазили за всем, что выросло с весны до осени. Конечно мы рвали и выдергивали все аккуратно, ничего не помяв и не больше, чем нужно полакомиться. Конечно, все знали, что мы шкодим, но нас нужно было еще застукать на месте, что удавалось крайне редко. Но, попав хозяйке или хозяину в руки в огороде, расправа была крутой – это крапива и надранные уши.

Но мы все равно лазили, в своем-то не так сладко... В поле колхоз всегда сеял кроме зерновых – горох. Это было особое лакомство, мы знали где посеян горох и когда появятся зеленые стручки, молочной спелости. Все поля охранялись объездчиком верхом на лошади, от потравы полей скотиной. Мы собирались гурьбой и шли в поле за горохом, подходили всегда от леса крадучись, чтобы не попасть объездчику на глаза. Рвали стручки, ели и тут же клали их за рубашку, набивали полные и тогда шли домой. Не было случая, чтобы мы попались за этим делом, может нас и видел кто, но взрослые понимали, что это для нас лакомство. Мы были все-таки дети. Время было тяжелое послевоенное и это тоже была еда для нас. Мы дети, никогда не думали о том, что мы не все хорошо живем, были семьи и не бедные, это у кого отцы вернулись с войны, но были и бедные, без отцов, мы не делали различие, и за горохом бегали все, и по огородам тоже.

Мы были все равны.

16. Баня

Вот прошла неделя и подошла суббота. Суббота это особый день, во-первых работу заканчивали раньше и топили бани. Топить баню это было просто удовольствие, самое приятное из всех дел. Вначале нужно натаскать воды из колодца или из озера или речки. Это у кого как, конечно, в речке вода всегда мягче, чем в колодце. Натаскав воды, нужно принести дрова, и не какие попало, а желательны березовые. Березовые дрова дают много жара и поэтому баня хорошо прогревается. Кроме того, хорошо нагреваются камни в каменке. В котел, где нагревалась вода, в мешочке клали древесную золу, и вода от нее становилась мягкой. Такой водой хорошо мыть волосы, они от этого становились мягкими и пушистыми. Тогда не было шампуней и душистого мыла, мыло было только хозяйственное. В баню шли сперва ярые парильщики и парились до одурения. В это время в бане был такой жар, что трещало дерево. Напарившись, выползали в предбанник отдышаться, а уж потом заходили обратно, чтобы помыться. Зимой, напарившись, выскакивали голышом на улицу и валялись в снегу, затем опять бежали на полок – париться.

Во вторую очередь шли любители неспеша помыться и малые дети. Жар был уже не такой обжигающий и можно чуток попариться для удовольствия. В баню ходить любили все, это было заложено с самого раннего детства в селе. После бани придя домой отдыхали, попив квасу. Напарившись и отдохнув, садились за стол ужинать, и выпить после баньки рюмку другую.

Баня это всегда праздник тела и души, баню любили все, баню ждали...

P.S. Когда топилась баня мы ребятня, пекли на каменке картошку. Это было тоже лакомство, и ели мы эти «печёнки» с большим удовольствием!

17. Речка Теча

Была, да и сейчас есть, в нашем селе речка с названием Теча. Речка небольшая, но и не перепрыгнешь. Местами мелкая по колено, местами глубокая ямами. Бывает, что во время паводка старые ямы затягивает песком, а в другом месте вымывает новые. В зимнее время ее переезжали по льду на лошадях, а каждую весну строили новый мост. Мост строили на козлах из бревен и поверху на настил из нетолстого кругляка наваливали тонкие не очищенные от веток жерди и солому. Копыта лошадей не проваливались. Весной в половодье, этот мост уносило сильным паводком, и его строили заново. Так каждый год. Село было большим и располагалось вдоль речки по обеим берегам. Кроме моста делали и переходы из жердей, в каждом конце села для пешеходов. Это для удобства, чтобы не идти далеко на мост. Купались мы, конечно, там где яма, с одной стороны берег был крутым и мы с него прыгали прямо в воду. Другой берег отлогий и песчаный, где мы грелись после купания и загорали. Купались мы конечно до посинения и чаканья зубов, ложились на горячий песок и подгребая его под себя грелись до следующего захода.

В воде мы, конечно, играли в салки или как мы говорили – в ляпки. В речке у переходов ловили пескарей банками, а дома варили из них ушицу или жарили. Пескарь рыбка хоть и мала, но вкусная. Такая благодать была у нас до 1957 года. В этом году нашу речку постигла беда, а значит и всех жителей сел, стоявших на ней. Производственное предприятие «МАЯК» упустило радиоактивную воду в нашу Течу, и заразило ее на долгие годы. В речке нельзя брать воду, поить скотину и купаться. Ее обнесли колючей проволокой вдоль всей деревни, а за деревней – в поскотине, где пасли коров жителей села, вырыли ров, чтобы скотина не прошла к речке. Была поставлена охрана в лице двух милиционеров. Нас ребятню не подпускали к речке. Тех кто жил по берегам, отселили наверх, построив для них новое жилье. Некоторые небольшие деревни снесли, а жителей переселили в новый поселок, построенный государством. В наше время многим жителям через суд выдали сертификаты на жилье для того, чтобы они могли уехать из села в любое место России.

Вот так погубили одно из больших и красивых сел, и несколько сел поменьше. Сейчас колючки уже давно нет и бетонные столбы в некоторых местах вытащили сельчане для своих нужд. Милиции тоже давно нет, в речке купается ребятня и пьет воду скотина. Нет, радиационный фон никуда не делся, он как был, так и есть, просто государству стало наплевать на то, что дети рождаются уродами и инвалидами, что люди мрут, не дожив и до 50-ти лет. Сертификат на жилье нужно еще отсудить, для этого нужен адвокат, который стоит денег, а деньги не у всех есть. Распад радиоактивных нуклидов, длится 300 лет. Через этот срок Теча снова будет чистой, если «МАЯК» СНОВА НЕ ЗАРАЗИТ ЕЕ...

18. Колодец

В то время мы даже и не помышляли о колонках с водой. В каждом селе или деревне были колодцы. Конечно, не в каждом дворе, а по улице. Хорошо тем, у кого колодец рядом с домом, а тем кто дальше, приходилось таскать на коромысле два ведра. Колодцы копали вручную лопатами и если глубокий, то землю или какой другой грунт вытаскивали ведрами на веревке. В выкопанную яму до воды, опускали сруб срубленный из осины рядом с будущим колодцем. Затем засыпали, ставили ворот с цепью и цепляли ведро.

Первую воду отчерпывали, пока не пойдет чистая. Были колодцы и в огородах, это там где вода была близко к поверхности. В таких колодцах тоже брали воду, кто жил поблизости. Вода была общим достоянием селян. За колодцами следили и, если нужно, то меняли сгнившие венцы сруба. В разных колодцах была и разная по мягкости вода. Раньше, до войны и сразу после войны, коров с фермы гоняли на водопой к речке. Летом проблем не было, во-первых стада были в летнем лагере, а которые оставались на ферме, поили в речке. Зимой же на речке делали длинную узкую прорубь с бортиком вокруг, чтобы животные не соскользнули в прорубь. Над прорубью делали навес и закрывали соломой, чтобы не сильно замерзала прорубь.

Потом приехали бурильщики с буровым инструментом и пробурили скважину. На скважину поставили ветряк, и воду стали подавать прямо на ферму по трубам. Так появились автопоилки, которыми пользуются до этого времени там, где есть еще фермы. Колодцы также были и на полевых станах, там тоже брали воду для тракторов и поили лошадей. Так же были колодцы в полях, которые расположены далеко от села и от полевого стана.

Сейчас колодец встретишь редко. В больших селах сделали водопроводы и поставили колонки, хотя вода из скважины совсем не такая, как в колодцах. Колодцы уходят в историю, их все реже встретишь такие как со срубами. сейчас если и делают, то с бетонными кольцами и вода, мне кажется, все-таки не такая вкусная как с осиновым срубом. В полях давно уже нет полевых станов, с домиками и колодцами. Сейчас многого нет из того, что было. Может это и хорошо, а может и нет. Не будет таких воспоминаний в будущем, а будет ли о чем вспомнить нашим внукам... это вопрос

19. Лампочка

В нашем селе, да и в других тоже, электричество появилось в середине 50-х годов. До этого мы пользовались керосиновыми лампами со стеклом. Были такие же, только без стекла. Они нещадно коптели и давали мало света. В длинные зимние вечера, как стемнеет, зажигали эти лампы, ужинали и мы лезли на печь. Ставили лампу на полочку и я читал какую-нибудь книжку. Керосин покупали в магазине, где был построен отдельный сарайчик с бочкой керосина. Покупали кто во что: у кого-то были специальные бидончики с узким горлышком, у нас была стеклянная бутылка на четыре литра и называлась она – четверть. Это значит четвертая часть пуда.

Но вот в колхоз привезли генератор, который вращал дизельный мотор. По селу протянули провода на столбах и провели в дома свет, в каждую комнату по лампочке, розеток не ставили. Во-первых генератор был слабым, да и розетки без надобности, электроприборов не было никаких. Свет давали как стемнеет и до 23 часов, позднее, кому нужно, переходили на лампы. Конечно мы были рады и такому свету и нам казалось, что нам повесили по солнцу в каждый дом, потому как лампочка светила на много ярче керосинки. В дальнейшем поставили генераторы мощнее и тогда уже свет был дольше и появились розетки. Цивилизация пришла и в село,

Тогда, после войны, экономика страны поднималась быстро, Строились заводы и фабрики, энергии нужно было все больше и больше. Для этого строились электростанции и в селах тоже отпала необходимость в своих маленьких электростанциях. Свету хватало всем и цена на него была чисто символической.

20. Довесочек

В наше время в каждом селе есть детский сад с воспитателями, у них есть программа и какие-то правила по обучению своих подопечных, то-есть готовят детей к школе. В то далекое время тоже был детский сад и мы называли его почему-то ясли. Может потому, что дети в нем были всех возрастов и все вместе, то-есть не делились на группы. Да и детей в садик ходило мало, как-то обходились. У кого в семьях дети были школьниками, то младших оставляли на их попечение. Садик располагался в старинном деревянном доме, с красивыми резными наличниками. Во дворе стоял амбар, срубленный из бревен с двухскатной крышей. В доме было всего две комнаты и сени с кухней. Садик работал только в теплое время года, зимой он не работал. В нем зимой почему-то всегда били шерсть для валенок, ставили шерстобитный ручной станок и, кому нужно было расчесать овечью шерсть, пользовались этим станком.

Кормили в садике только в обед, утром завтракали дома. Кормили тем, что было в колхозе, а в колхозе было все, от овощей и до мяса. Вечером тоже не кормили, но давали с собой хлеб. Хлеб был свой, деревенский, такие белые калачи. Их пекли их в русской печи кто-нибудь из сельских женщин, по договору с колхозом. Пекли хлеб не только для садика, но и для тех, кто был весной и осенью занят на полевых работах. Хлеба давали по куску, я не помню какой был у него вес, но небольшой. Когда резали калач на эти пайки, всегда взвешивали на весах с маленькой гирькой и всегда точно отрезать не могли, добавляли маленький кусочек – довесок. Так называли этот малюсенький кусочек. Он считался самым вкусным, потому как съедлся сразу тут, в садике, остальное приносилось домой.

Почему так делалось? Да потому, что белая мука была не в каждом доме и белый кусочек это был деликатес. Почему не кормили в садике утром и вечером, я этого не знаю. Но прошло и это трудное время, жизнь налаживалась после войны и людям становилось все легче. Может, дальше стали кормить детей утром и вечером, но довеска им уже не давали, может это и лучше, но они не знают, что такое самый вкусный довесок белого калача.

21. Хлеб с маслом

В селе конечно же было сливочное масло, было в тех семьях у кого были коровы. Лишнее молоко сдавали на сепараторную села, где его перегоняли на сливки, а из сливок делали масло. Но это делали те семьи, у кого молока был избыток, ну, например детей не было или был, то один ребенок. У кого была семья больше, то молоко съедалось дома и на масло не оставалось. Колхозное молоко со сливками увозили на районный молокозавод.

А для постного масла в колхозе была небольшая маслодельня, такая примитивная и простая. Маслодавальня, так наверное лучше подходит, потому что масло выжимали под самодельным прессом из каких-то семян. У нас давили из горчицы, да, из такой желтой горчицы, похожей на пшено. Вначале ее раздавливали вальцами, которые вращались лошадьё ходившей по кругу и через вал вращение передавалось на вальцы. Через вальцы прогоняли не один раз, затем эту смесь запаривали в котле, который был встроен в печку топившуюся дровами. Затем эту распаренную кашу перекладывали в чугунный ящик, с толстыми стенками и дном со множеством отверстий. Вовнутрь вначале помещалась мешковина, а в нее заворачивали горчичную кашу. Сверху накрывали тоже толстой чугунной плитой и давили прессом. Пресс тоже был простой и сделан из толстого бревна в два обхвата и длиной метров пять. Один конец закреплялся шарнирно возле ящика, а другой, тонкий конец, поднимался и опускался с помощью толстого деревянного винта. Винт вращали два человека длинными толстыми палками, всунутыми внизу винта. Таким образом винтом опускалось бревно и давило на чугунную крышку ящика с распаренной горчицей.

Внизу ящика было сливное отверстие для масла. Масло стекало в масляный бачок. У нас дом стоял рядом с этой маслодельней. Мы, ребятня, жившие поблизости, всегда знали когда будут давить масло и ждали этого. Конечно мы помогали чем могли тем, кто масло давил, гоняли лошадь по кругу и так что по мелочи.

И вот наступал момент расплаты за наши услуги, нам наливали в железную кружку масла, немного, ровно столько чтобы хорошо намазать кусок хлеба, принесенный с собой. Серый хлеб с горчичным свежим маслом, не было и нет ничего вкуснее. Это был сверх блаженства после пустых щей. Я помню этот вкус, вкус хлеба с горчичным маслом, это были счастливые минуты, мы ждали этого момента.

В наше время, я попросил жену купить горчичного масла, она купила и вкус совсем не такой, это масло очищено и не имеет запаха, не имеет того вкуса, который был в нашем горчичном масле.

22. Стога

Нет, у нас в Зауралье их называют не стога, их называют – зароды. Когда созреют травы и зеленка, посеянная для сена из овса и вики, начинается сенокос. Это значит все село, кроме доярок и пастухов, будут заняты на сенокосе. Ребятишек старше десяти лет это тоже касалось – они свозили сено к месту, где делался зарод. Зарод, это большая длинная скирда. Зимой её нельзя утащить тракторами, как это делают со скирдами, в зароде много тонн сена. Время сенокоса, как и уборка зерновых, напряженное: нужно успеть скосить, высушить и убрать в зароды сено. Но это было самое веселое время. На сенокосе все работали вместе, погода всегда была хорошей, теплой и без дождей. Утром все собирались на конном дворе. Мазали оси телег дегтем, который, как нам казалось, вкусно пахнет, запрягали лошадей. Бригадир давал задание взрослым и мы все на телегах отправлялись в поле. Если убирали зеленку, то ее скашивали тракторной или конной косилкой, зеленка сохла и ее сгребали, опять же тракторными граблями в валки. Зеленку на телеги или волокуши грузили бабы, а мужики это сено сметывали в зароды. Работа эта была тяжелой, потому как зарод рос и поднимать нужно было все выше. Поднимали сено деревянными трезубыми вилами, зацепляя сразу половину копейки. Зароды тоже нужно уметь делать и это всегда делали те, кто умел. Зарод получался ровным и с хорошим верхом, как новый дом с двухскатной крышей. Сверху зарод перекидывали тонкими неочищенными жердями, связанными попарно, это чтобы ветром не разворошило сено. Но было и лесное сено: это обкашивались все кусты. Обкашивались вручную, ворошили и сгребали в валки. Это самое лучшее сено, оно всегда было зеленым и мелким, но очень тяжелым. Сено это давали на ферме только маленьким телятам. Обедали все под зародом или на опушке леса. Доставали снедь, в основном – хлеб, огурцы, яички, молоко. Мяса у селян летом не было, потому что не было холодильников. Поев, немного отдохнув, продолжали работу. Незаконченных зародов не оставляли, так как мог пойти дождь и вся работа пошла бы насмарку – зарод пришлось бы раскидывать для просушки. Для частных коров, тоже нужно сено, и косили все по своим полянкам, косили кто как мог и когда мог. Выходных в страду в колхозе не бывает.

Это все было давно, впоследствии всю эту работу механизировали, но качество зеленки и сена, стало на много хуже. Ворошить сено стали механическими ворошилками, которые отбивали сухие листочки у травы, оставляя одни стебли. Сенокос и уборка урожая в селе всегда делалась с удовольствием, потому как люди видели плоды своего труда – тяжелого сельского труда.

Сейчас все это в прошлом...

23. Деньги на ириски

Давно существовала такая организация как Заготконтора. Они принимали у населения все, начиная от металлолома и заканчивая, даже не знаю чем. Мы, детвора, особенно мальчишки, старались на этом заработать деньги. Пусть небольшие, но нам хватало купить конфет и сходить в кино, которое привозили раз в неделю.

Драли ивовое лыко – ивы росло полно по берегам речки и по оврагам, там, где всегда было сыро. Так же собирали траву – стародубку, которая росла в лесу. Лыко вязалось в пачки, по несколько килограмм и сушилось, принимали только сухое. Стародубку тоже вязали и сушили вениками. Так же принимались и всякие ягоды, тоже в сушеном виде. Грузди солились самими заготовителями в деревянных кадках. Все это богатство природы бралось, сушилось и сдавалось летом. Груздей было столько, что даже взрослые собирали и сдавали по многу корзин. Но это были сырые грузди, сухие – сладкие, брали только для себя. Летом было хорошо, можно было всегда заработать, только не ленись. Конечно, не вся детвора этим занималась, но все-таки большинство. В лес бегали не только большие ребяташки, с ними и малые, лет пяти. Так как за ними присматривать приходилось большим, родители были на работе.

В селе было много частных коров и пасли пастушки по очереди, день за животное, у кого были корова и теленок, то пасти приходилось два дня. У кого были большие дети, старше десяти лет, то проблемы не было, пасти раз в месяц, а у кого не было детей, то нанимали нас – ребяташек. Мы брались за это дело не то чтобы с удовольствием, но за это давали денег и три раза кормили, так что выбор был всегда за пастушней. Лето всегда было сытней и богаче, летом даже куры лучше неслись, яйцо тоже можно сдать на кино или ириски Золотой ключик.

Другое дело зима, зимой ничего и негде, зато свободное время после занятий в школе и по выходным. А это лыжи, санки и крепости из плотного снега. В общем зима без денег, но тоже веселое время года.

24. Реможник¹

Когда-то давным-давно, когда в село привозили кино раз в неделю на лошади, запряженной в телегу, мы, ребята, первыми узнавали об этом и оповещали криком всю деревню. Но рассказ не о кино, а о человеке, который также приезжал в село на лошади, запряженной в телегу. Мы также узнавали о нем первые и также оповещали всю деревню. Это был реможник, человек, который ездил по деревням и собирал всякое старое ненужное тряпье. Для чего тогда собирали это тряпье, мы не задавались таким вопросом. Значит надо. Реможник ехал на лошади, запряженной в большую телегу, на которой спереди стоял деревянный сундучок, а сзади лежали собранные старые тряпки. Мы, конечно, выискивали дома все старье, которое уже никуда не годилось, чтобы сдать реможнику. Взвешивал он все это добро безменом. Были в то время такие весы. Взвесив, он открывал свой сундучок, а там... чего только не было – и разноцветные ленты, и бусы, и всякая всячина, нужная нам. Но самое главное богатство для нас, мальчишек, конечно, были глиняные свистульки, сделанные в форме петушков. Девчонки брали, конечно же, ленты и бусы, мы – свистульки, а для взрослых – гребешки и гребенки, которые они носили в волосах. У него были и иглы с нитками, и даже душистое мыло, что в селах было редкостью – пользовались только хозяйственным. В общем, приезжал нужный человек и ему все были рады.

На ночь он останавливался у кого-то из знакомых, заезжал во двор, распрягал лошадь и задавал ей овса, который возил с собой в мешке. На второй день он ехал на другую сторону реки, так как село было расположено по обоим берегам и было большим. Собрав все тряпье, реможник уезжал, наверное, в район, чтобы сдать всё собранное добро и пополнить свой сундучок замечательным товаром.

Все это было очень давно, уже никто не ездит, не собирает тряпье и не радует детей своими такими хорошими и нужными для нас – детей вещами, как ленты и свистульки из глины в форме петушков.

¹ Реможник – старьёвщик. Ремок: старая одежда, часто рваная, грязная. Слово используется: Урал, Сибирь.

25. Черёмуха

Черёмуха росла у нас в полях большими кустами. Росла она и в лесу, но там она созрела позднее, чем на полях – солнца меньше. Как только ягоды черёмухи поспевали, они становились приятными на вкус и не вязали язык. Собирать черёмуху всегда ходили группой в несколько человек с небольшими ведрами, литров на семь. Приходили к такому кусту и мы, мальчишки, лезли наверх, наклоняли ствол и держали, остальные обирали ягоды. Иногда ломали ветки с ягодами и бросали их вниз, так делали, если ствол толстый и не гнулся. Черёмуха любит, когда ее обламывают, тогда она растет еще гуще и ягод дает больше. Так мы набирали свои небольшие ведерки или бидончики и шли домой. При этом ягод наедались сами. Дома ягоды сушили на русской печке на зиму. Зимой ягоды толкли в ступе и заваривали горячей водой. Из этой массы пекли пирожки, а чаще шаньги². Косточки черёмухи, растолченные, ничуть не мешали и шаньги получались вкусными.

После черёмухи поспевали ягоды боярышника, которые тоже собирали. Боярку собирать одно удовольствие, правда колючки у нее огромных размеров и можно наколоть ногу. Ходили-то все ребята босиком до самых холодов. Ягоды боярки растут гроздьями и берешь их полной горстью. На них не нужно залезать – они растут невысокими круглыми кустами. Мы знали все кусты черёмухи и боярышника в округе. Ягоды боярышника тоже сушили, но на начинку они не шли. Из них варили отвар, отвар получался сладковатым и насыщенным и пили его как компот. Из ягод черёмухи тоже варили отвары, но из боярышника все-таки был вкуснее. Все это делали потому, что тогда в селе не было сахара и эти ягоды здорово выручали. В то время, отвар варили и из красной свеклы, тоже получался как компот, отвар выпивали, а свеклу отдавали скотине. Все, что росло в лесу, собиралось и сушилось на зиму. Ничего не варили, ни компоты, ни варенье, потому что сахар был дефицитом и видели его редко.

Сейчас вряд ли кто собирает черёмуху и боярышник, уже никто не сушит ягоды на зиму. В лес ездят только на машинах на пикник. Конечно, ягоды собирают, но не для сушки. А какие были отвары...

² Шаньга, шаньги – лепешка со слоем масла или сметаны; ватрушка.

26. Изба

Как известно, деревенское жильё это изба. Избы разные, есть большие – пятистенники и меньше, всего с одной комнатой. Но во всех домах есть русская печь. Если дом большой, печь делит его на две половины, в одной стоит стол с широкими скамьями вдоль стен, середка и горница. В первой комнате обедали и делали какие-то хозяйские дела, иногда кто-нибудь отдыхал на широкой лавке после обеда. В горнице обычно стояла кровать большой сундук и шкаф, в котором хранились наряды и белье. Сундуки были окованы железными полосами и с запором в виде замка, может внутреннего или висячего. В горнице всегда пол застлан домоткаными половичками и в ней всегда чисто, на то она и горница. Под досками пола, был подпол, там хранилась картошка и кое какие овощи. Между этими комнатами на ширину печи была кухня, которая называлась – середка. Я думаю, что такое название кухни от слова середка, печь-то стоит посередке избы. На середке готовили, стряпали и пекли. От печи до стены, по верху, всегда есть широкая полка, на нее ставили емкость с мукой и квашню, так как наверху всегда тепло. Муку просеивали в этой емкости ситом. Ну и еще ставили какие-то вещи, нужные на кухне. На середке тоже была широкая лавка, на которой стояли ведра с водой и небольшой столик. Чугуны и вся утварь, в которой готовили, стояла под шестком³ печи. Под печью был, так называемый, боров, это пустое пространство, где иногда зимой жили куры. Рано утром хозяйка затапливала печь, доставала квашню и из теста делала ковриги или калачи хлеба. Когда нагорали угли, пекла лепешки или блины, для завтрака семьи. Когда дрова в печи сгорали, угли сгребались в угол печи в загнетку⁴, и садили хлеб. Так же ставились чугуны с каким-нибудь варевом, хлеб, испекшись, вынимали, а чугуны оставляли в печи до обеда. За это время все, что в чугунах или гусятницах, натемятся и распарится в печи до такой степени, что когда ели, шел такой вкусный дух и все таяло во рту.

Наверное, еще ничего не придумали лучше русской печи для приготовления пищи. Ее не заменят никакие духовки и мультиварки. Сейчас печь ушла в прошлое, и уже в ней не готовят, и наши дети и внуки не узнают, какие вкусные были блюда, приготовленные в печи. Так же нет теплее нашего, деревенского дома, обогретого русской печью или любой другой кирпичной печкой. В деревенском доме всегда был здоровый дух.

³ Шесток – площадка перед устьем русской печи.

⁴ Загнетка – место на шестке русской печи (обычно в левой его части), куда сгребаются горячие угли

27. Радио

Радио я увидел первый раз у соседей, что жили напротив нашего дома. Соседи были то ли эвакуированные, то ли депортированные молдоване. У них откуда-то появился небольшой радиоприемник на батарейках. Света в селе еще не было, пользовались керосиновыми лампами. Нам было интересно посмотреть и послушать это чудо. Конечно мы знали, что существует такое радио, которое говорит и его можно послушать. Слушать нужно было в наушники, и нам дали послушать. Мы, конечно, очень удивились, как это в таком маленьком ящичке живут люди, поют песни и говорят. Нам детворе, кому посчастливилось послушать радио, хотелось заглянуть в этот чудесный ящик и на людей, живущих там. Взрослые, конечно, смеялись и говорили, что там нет никого, что так устроено это радио и говорит оно за счет каких-то там волн, которые идут по воздуху из Москвы до нашего села. Мы вначале конечно не верили им, думали, что им жалко дать посмотреть.

Но вскоре у моего друга в семье появился еще один радиоприемник и тут нам пришлось поверить, что нас не обманывали. Вскорости в селе поставили генератор и в домах появился свет. Правда всего на несколько часов, но мы были бесконечно рады и этому. В селе не засиживались долго вечерами, потому как утром нужно рано вставать. Тут цивилизация окончательно стала приходить в село: появилось радио. Радио провели во все дома – всем повесили по черному кругу с ручкой-регулятором громкости в середине. Радости не было конца, тут тебе и песни, тут и новости, что делается в стране и мире. Где и сколько собрали хлеба, кто передовик производства, сколько выплавили чугуна металлурги. Мы слушали передачи для детей. В центре села, где было сельпо и сельсовет, была небольшая площадь. На столбе повесили большой белый колокол, это тоже было радио, которое играло и пело на всю округу.

Вот так мы узнали, что такое радио и что в ящичке никто не живет, а так хотелось, чтобы все-таки там кто-то жил.

28. Костры

Весна, снег уже весь растаял, земля подсохла, появились зеленая трава и маленькие липкие листочки на деревьях. Селяне, после зимы, начинают делать приборку дома, двора и огорода. За зиму много чего накопилось, что нужно вымести, выскоблить, собрать и сжечь. В доме все белили и обновляли, полы и лавки скоблили ножами до желтизны. Во дворах и огородах тоже все прибирали, готовились к посадке картофеля и других овощей. В это время, по вечерам, в огородах сжигался весь мусор и по деревне в небо поднимался дым, нет не черный и густой, это дым легкий и приятный, так как горели щепки и старая ботва от прошлогоднего урожая. Все это добро высохло и хорошо горело.

Все, земля прогрелась и ее нужно пахать или перекапывать лопатой, то есть готовить к посадке. Огороды в большинстве пахали, так как у селян земли было по несколько десятков соток. Пахали огороды конным плугом, запряженным парой лошадей. Иногда под плуг сажали картофель. На огороде выращивалось много картофеля и разных овощей, это будущий задел для питания семьи и животных до следующего урожая. Осенью тоже жгут костры в огородах, это сжигают картофельную ботву, которая в основном уже высохла. Костры в огородах, это своего рода праздник, праздник весны и тепла, а значит новой жизни, а осенью – праздник убранного урожая.

29. Лён

В селе издавна сеяли лен. Из льна много чего делали, но в основном лен шел на изготовление веревок. Сеяли его на небольшом поле для нужд колхоза. Лен-долгунец когда начинал цвести, то глядя на льняное поле, не оторвешь глаз. Это непередаваемая словами небесная голубизна была настолько красива, что от поля не хотелось уходить. Поле было голубым в ясную солнечную погоду и казалось, что небо упало на землю.

Когда лен созревал, его шли дергать. Выдергивали руками и вязали в снопы. Затем эти снопы вымачивали в небольшом пруду. Пруд был выкопан вручную еще задолго до революции, в нем всегда была вода, наверное, от таяния снега. Снопы клали на дно и прижимали бутовыми камнями, чтобы не всплывали. Вымочив таким образом лен, его начинали мять в специальном станке, то есть ломать твердый стебель. После этого лен трепали и расчесывали, освобождая волокна от костреца, то есть от кусочков стебля. Высушенное и расчесанное волокно становилось чистым, светлым и мягким, как женские волосы. Затем волокна скручивали в суровье, из которого свивались веревки. Веревки были крепкими и не боялись сырости. Веревка во времена лошадиной тяги была необходимым атрибутом упряжи. Веревкой можно привязать любой груз.

Сейчас, конечно, не сеют лен и не вяжут веревок, сейчас все заменил капрон и другая химия. Не стало таких красивых полей, на которое падало небо... В наше время такое не увидишь. Многого не стало из того, что было когда-то хорошим, чистым и красивым

30. Камышовая циновка

Там за селом на берегу речки было небольшое озеро, вернее болотника. Берега у нее заросли камышом. Камыш рос густым и зеленым, стебли были высокие с длинными узкими листьями. Камыш, это не осока и кромки у листьев были неострые. Каждый год под осень наша мама ходила на эту болотнику за камышом и брала меня с собой. Мы нарезали охапки камыша и несли домой. Дома она плела из стеблей с листьями длинные косы, затем сшивала их. Получались циновки, такие зеленые и мягкие. Они были круглыми или овальными и стелили их на пол. Это были своего рода дорожки и заменяли половики. Были коврики, сплетенные из скрученных ленточек, нарезанные из лоскутов и также сшитые. Они были разноцветные и лежали пока новые на лавке, а потом и на полу. Но их было мало и поэтому мама делала их из камыша, которые истирались быстрее, но на зиму их хватало. Конечно, у людей, кто был позажиточнее, на полу лежали домотканые дорожки. Они были разноцветными и рисунок на них, был симметричным. Такие дорожки лежали годами и не истирались. Дорожки ткали на специальных станках, которые были редкостью. Циновки и коврики из камыша, делали многие из селян, зимой все-таки пол с ними был теплее. Ковров в селе наверное не было ни у кого. Так мы использовали стебли камыша с пользой. Камыш известный строительный материал: из него делают загоны для скота, но это там, где нет леса и много камыша.

31. Рождество

Вот и пришел новый год, закончились новогодние карнавалы у елки, получены и съедены подарки от Деда Мороза. Подходил рождественский праздник. Нет, этот праздник не отмечали потому как в СССР были все атеисты. Но в каждой семье были старшие, которые помнили все религиозные праздники и все знали, что вот наступит Рождество. Морозы на Рождество всегда у нас в Зауралье стояли сильные. Всегда была ясная и к утру лунная погода. Все у кого зимой доились коровы, на Рождество делали такие небольшие, с куриное яйцо, сырчики. Так назывались, сделанные из творога с добавкой сахарного песка, колобки и замораживались на морозе.

Рано утром мы ребятня вставали и собирались по несколько человек и шли на улицу. Утром еще темно, в окнах домов свет был только там, где топились печи. Из труб вверх шел столбом дым. Мы шли славить. Мы начинали с самых крайних домов и заходя в дом, начинали петь кто как мог – славься... и так далее. В общем мы славили и нам за это давали гостинцы – у кого что было, кто просто кусок хлеба, кто пару пряников или горсть конфет подушечек. Но самое лакомое было из всех подарков, это сырчики из творога. Зимой мало у кого доили коровы и сырчики были не у всех, но мы все-таки насобирали их достаточно много и делили все поровну.

Конечно, не у всех было что нам дать, были и такие. Мы знали, кто как живет в селе и к бедным не заходили. Собирались славить, конечно, самые бедные, потому как нам тоже хотелось чего-то вкусного, чего дома не было. Вот так мы атеисты, встречали Рождество Христово. В Крещение, мама всегда ставила мелом крестики над каждым окном и дверью, она хоть и была глухой и безграмотной, но знала все религиозные праздники и свято чтит их. Она была рождена в самом начале двадцатого века, за семнадцать лет до революции.

32. Ледоход

Весна это самое долгожданное время года. После долгой и морозной зимы, какой бы она ни была хорошей, всегда хотелось яркого солнышка и тепла. В то далекое время, время моего детства, весна всегда была именно такой. В конце марта, когда заканчивались школьные каникулы, снег таял быстро и все овраги шумели половодьем, быстро заполняя русло реки. Лед еще стоял и покрывался талой водой. Всегда неожиданно и всегда после обеда от реки шёл какой-то непонятный шум: это поднимался и с грохотом лопался лед. Он ломался, льдины наплзали на берег и друг на друга, издавая какой-то шорох. По селу раздавался крик: «Лед пошеел!» И все, кто был в селе, бежали к реке, чтобы посмотреть это завораживающее зрелище. Лед все шел и шел, где-то делались заторы и берега заливались водой. Ребяшня прыгала на льдины, которые плыли рядом с берегом и несколько десятков метров проплывали на них. У затора льдины с грохотом наплзали и ломались, сверкая на разломе изумрудом искр. Люди заморожено смотрели и не уходили до самого вечера. Кто-то ходил по берегу с саком и ловил рыбу в мутной воде, которая тоже наверное ошалела от этого ледохода. Утром лед еще шел, но уже не было того, что – вчера.

На реке было все спокойно. Только воды было много, половодье длится еще несколько дней, пока не растает весь снег. Мостов в это время не было: их сносило половодьем, и люди переправлялись на лодке, так как село было по обоим берегам реки, а магазин, клуб, контора, школа и сельсовет были на одной стороне.

Школьников на лодке не переправляли, они на время половодья жили у родственников или у знакомых на той стороне, где школа. Снег растаял, паводок закончился, на речке построили очередной мост.

И все повторялось в следующую весну.

33. Весенние пригорки

В марте зима начинает потихоньку свои права уступать весне. Ярче светит солнышко, днем появляются первые сосульки, которые мы всегда почему-то сосали. Что в них было вкусного – не знаю, но это было для нас своего рода тоже лакомством. Потихоньку появлялись маленькие ручейки, и мы пускали по ним какие-то щепочки как кораблики. Затем появляются проталины, проталины на пригорках, такие небольшие, но с каждым днем они становились все больше. Мы радовались этому и всегда играли на этих проталинах в свои мальчишечьи игры. И играли всегда босиком, еще везде лежал снег, но мы этого не боялись. Наверное поэтому у нас на ногах и руках всегда в это время были цыпки.

Первой игрой всегда была с колышка. Это такая игра: в землю забивается нетолстый колышек, чуть выше уровня земли и на него ставится шарик, величиной с детский мячик. Шарик вырезали из корневища молодой березки, он был крепким и его невозможно было разбить. Команда могла быть любой, от трех и больше ребяташек. У всех были свои биты – шаровки, которыми с расстояния нужно было попасть в шарик. Один из участников должен был ставить шарик на колышек и бегать за ним, когда в него кто-то попадет битой. Это продолжалось до тех пор, пока все не промажут, тогда водящий выбирает следующего, кто должен бегать за шариком и ставить его на колышек. Надо сказать, что попасть в шарик было не так просто – расстояние было приличным. Эта игра чем-то похожа на игру в городки, только с шариком и правила немного другие.

Была и другая игра – в верховое. В этой игре шарик подкидывался высоко вверх и игрок битой должен попасть в него на лету. Вот такие игры у нас были на пригорках весной, летом мы тоже в них играли, но реже, летом были другие игры и интересы, летом был лес. С ранней весны и до поздней осени наши ноги не знали, что такое обувь, мы все бегали только босиком, даже девчонки.

P.S. У девчонок были свои игры на проталинах, они играли в домашние, игры подражая мамам и бабушкам, они всегда возились с куклами и всегда что-то варили. Видимо это было уже заложено у них на генетическом уровне. Сейчас дети не играют в такие игры, сейчас другие интересы. Девчонки может и играют, но мальчишки – точно нет. Может это плохо, не знаю, видимо у всех поколений свои игры в детстве.

34. Гуси

В селе было полно гусей пока не случилась беда с нашей речкой Течей. Мало кто не держал эту птицу у себя во дворе. Гусь птица неприхотливая, питается, в основном, травой и водорослями на речке или озере. Любит гулять посуху и воду, в воде гуси плавают и купаются. Гусыни несут яйца, крупнее чем куриные раза в два-три. Ближе к теплу гусыни садятся на гнездо выпаривать птенцов – гусят. В деревенском доме, как правило, им делали гнездо из большой ивовой корзины и ставили в доме под широкую лавку, закрытую занавеской. Нас ребяташек они почему-то не любили, всегда шипели и норовили ущипнуть за ноги. Высидев положенное время, появлялись маленькие желтенькие гусята. Они были такими красивенькими и пушистыми! Нам так хотелось взять в руки маленький комочек! Но гусыни всегда были настроже и строго следили за нами. При нашем приближении вытягивали шеи, грозно шипя, щипали нас. Щипки были болезненными, клювы у гусей сильные. Так что нам не удавалось поиграть с маленькими гусятами. Нагулявшись, гуси садились, гусята забивались к ним под крылья: там им было тепло. Время шло, гусята росли быстро и превращались из желтеньких комочков в молодняк с каким-то грязно-серым пухом. Затем они начинали обростать пером, таким же цветом, как и родители.

Осенью, когда убирали зерновые с полей, гуси, с оперившимся молодняком, могли подняться на крыло и улететь в поля. Там они находили оставленные колоски, склевывали их и, набив зоб зерном, прилетали обратно домой и сами заходили во двор, где стояло большое корыто с водой. Гуси с гоготом пили воду и купались в этом корыте. Гуси очень чуткие и хорошо слышат, они всегда предупреждают своим гоготом, если кто-то идет.

Гусь крупная птица, до нескольких килограмм чистого мяса, мясо вкусное, особенно тушеное в гусятнице в русской печи с картошкой. Гусей разводят разных пород и из них готовят разные блюда. Сейчас мало кто разводит гусей, не стало сел, наверное гуси тоже уйдут в историю как и весь остальной животный мир села.

Беднеет Россия несмотря на то, что почти во всех семьях есть автомобиль и компьютер, но это не показатель хорошей жизни в стране, вовсе нет...

35. Старая пожарка

На самом высоком месте села, рядом с церковью, была пожарка. Так мы называли пожарную часть. Пожарка была построена еще задолго до революции, место было выбрано не случайно, оно было в самом центре села на макушке холма. Помещение пожарной было кирпичным, в нем была сложена печка, и в углу стояли нары. Вплотную к помещению стояла высокая каланча и навес, под которым стояли на повозках бочка с водой и насосная помпа. Бочка была деревянной и большой, помпа же была из какого-то цветного металла и была всегда начищена до блеска и горела как самовар. На каланчу вела крутая лестница на смотровую площадку. Сзади пожарной была конюшня с парой сытых лошадей: одна для бочки, вторая для помпы. Пожары в селе случались редко, но случались и как правило летом. Тогда пожарные быстро запрягали лошадей и с колокольным звоном мчались на пожар. На каланче был свой большой колокол, в него тоже звонили, чтобы предупредить народ о пожаре. Нам, мальчишкам, нравилось приходить в пожарную зимой – там всегда было натоплено и нам иногда разрешали залезть на каланчу. Мы с восторгом смотрели сверху на село, это было так здорово! Сидели на нарах и играли в подкидного дурака или еще в какую-то игру. Летом же у пожарной, на лавочке всегда сидели мужики или старики, не занятые на работе. Все это продолжалось до тех пор, пока в колхозе не появилась пожарная машина. В пожарной не стало необходимости и ее закрыли, также повесили замок на вход каланчи. Нам, конечно, было жаль этого.

Через много лет я приехал в село и не увидел каланчи, не увидел пожарной, все снесли и на ее месте построили правление колхоза. Но оно простояло недолго, при падении Союза развалились колхозы, так же и развалилось правление колхоза. Церковь стоит, а пожарной каланчи нет, что-то потерялось, что-то стало не так. Время бежит, все уходит в историю, так же ушла и наша пожарка, а какой красивый вид был сверху...

36. Поскотина

Поскотина, это такое место в селе, где пасут домашний скот и находится она вокруг села, поросшая березовым лесом. За поскотиной находятся поля, которые были отгорожены от поскотины изгородью из жердей. Березовый лес в поскотине почему-то всегда невысокий и какой-то корявый, не то что в государственном лесу: там березы высокие, стволы гладкие и белые, прямо как невесты. Но тем не менее и такой лес тоже красивый, потому что березы в поскотине кудрявые. В нем всегда есть грузди и земляника. Но есть в поскотине такие березы, каких нет в государственном лесу, это березы-великаны. Я не знаю сколько лет таким березам, но они необхватной толщины и очень высокие. Кора внизу у них толстая, корявая и темная. Ветви толстые и раскидистые, тонкие ветви на концах, длинные и свисают на несколько метров как у плакучей ивы.. Это березы патриархи березового леса, наверно это семенники.

Мы, детвора, любили лазить на такие березы и играть на них в пятнашки. Это было так увлекательно и так отрабатывалась ловкость, как у акробатов. Такие березы росли далеко друг от друга, но были не редкостью. Если такое дерево попадало в делянке, то свалить его было не так просто. Не хватало пилы, но дров из нее получалось много и были эти дрова самыми жаркими. Расколоть такую чурку, тоже нелегко: только колуном и со стальными клиньями.

Село стояло по берегам реки, на нашей стороне была поскотина и довольно большая по площади, а вот другой стороне с поскотиной не повезло, у них ее не было. Поля начинались сразу за селом, и лес был только колками. Лес тоже был, но далеко, и коров гоняли пасти по специально оставленным прогонам между посевами.

Вот такая была у нас поскотина и такие огромные березы-патриархи. Я всегда восхищаюсь таким лесом, с белоствольными березами, всегда чистым и веселым. В таком лесу душа просто поет...

37. Сосновый бор

Когда-то в округе села не было соснового леса. Кругом был березовый лес, попадались и осиновые деревья. Березовый лес вырубали на дрова и отправляли на изготовление фанеры. Вместо берез на вырубках сажали сосны. Пропахивали плугом борозды и мы, школьники, ходили сажать эти малюсенькие сосеночки. Прошли годы и сосеночки выросли в сосновый бор. Конечно, сосновый бор это не березовый лес, но тоже не менее хороший. В березовый лес заходишь как в светлую горницу, где всегда уютно, красиво и отдыхаешь душой. Сосновый бор это как хороший дом, в нем всегда тепло и сухо. Бор всегда шумит, даже тогда, когда нет ветра. В бору любят расти грибы и ягоды, особенно грузди, без которых не возвращаешься домой. Зимой бор тоже красив, так как сильно выделяется своей зеленой хвоей, на белом фоне снега. Зимой в бору кормится много зимних птиц, а по весне боровой дичи. Вот так, к нашим березнякам, прибавился еще и сосновый бор, посаженный нашими, когда-то детскими руками.

38. Тополя

Вокруг церкви был построен каменный забор, невысокий такой, с кельями по углам. Вдоль одной, внутренней стороны забора были посажены тополя. Когда их посадили, никто не помнил, даже старики. Тополя были высокими, толстыми и ветвистыми. Каждую весну, когда уже появлялись листочки, мы, пацаны, залезали на тополя и отрезали тонкую, гладкую веточку. Кожица веточки легко снималась трубочкой, и мы делали из них свистки. Но это было давно, в пятидесятые годы.

В настоящее время, так же стоит церковь и каменная ограда, только уже сильно осыпалась и обветшала. Стоят те же тополя вдоль этой ограды, только они стали еще старше и на их стволах выросли какие-то наросты. Тополя так же постарели, как стареют люди, они прожили долгую жизнь и много чего видели. Они стоят и тихо шелестят листвой, как будто рассказывают людям о своей жизни. Кто знает, сколько еще осталось жизни у этих тополей, может столько, сколько будет стоять церковь, которая тоже разрушается...

39. Скворцы

Весной, как только сойдет снег, мы делали скворечники. Были и старые, уже обжитые. Но все равно нужно было обновлять жилье для скворцов, потому что некоторые уже протекали и рассыхались. Скворец птица привередливая и в каком попало жилье жить не будет. Доски брали строганные только снаружи, внутри гладкие, скворец не любит, и крыша тоже должна быть деревянной, чтобы дождь не стучал. Делали и дуплянки, но это редко и трудоемко. Старые скворечники любят воробьи и стараются занять их вперед скворцов, но это только до прилета хозяев. Скворцы не церемонятся с квартирантами и быстро их выдворяют вместе с гнездом. Облюбовав квартиру, скворец облагораживает ее, сделав там гнездо и начинает завлекать самочку. Уж что он в это время не выделяет! Известно, что скворец отличный имитатор: может передразнить любую пичугу. Усевшись на ветку, прибитую к скворечнику, он начинает петь и приплясывать при этом еще помогает крылышками. Это смотреть так интересно и увлекательно, что забываешь обо всем, слушая этот концерт. Скворец птаха красивая, интересная и полезная.

Воробей тоже интересная птичка, за ним интересно наблюдать. Он делает свое гнездо за наличниками окон, также под стрехой сарая, крытого соломой. Воробей еще драчун и заби-яка, к тому же нахал. он может из под носа кота утащить что-нибудь съестное. От воробья страдают подсолнухи в огороде, ему нипочем пугала. Скворцы улетают на зиму в теплые края, а воробей домосед, он родину не покидает. Скворец и воробей разные птицы, но обе интересные, каждая по своему, только нужно внимательно понаблюдать за ними. Берегите птиц, у них нелегкая жизнь, особенно у воробушка зимой. Не жалейте для них корма в зимние морозы.

40. Хлеб с молоком

В селе пища всегда была простой, и главным за столом был всегда хлеб! Если нет хлеба за столом – человек не насытится. У крестьян всегда труд тяжелый и есть нужно всегда плотно, не важно что: суп с мясом или без него, простая похлебка, но хлеб должен быть. Хлеб всегда ценили выше всего потому, что знали как нелегко его вырастить.

Но был еще один продукт в сельском доме, может не у всех, но очень ценен – это молоко. Молоко дает корова или коза, это не так важно, но продукт этот любим всеми селянами, а особенно нами, детворой. Из молока делается тоже много чего, особенно хороша деревенская простокваша, ее можно резать ножом, тоже любимый всеми продукт. Летом в селе не бывало мяса, так как хранить его было негде, так, может когда зарежут курицу, и то если гости.

Набегавшись за день на улице, прибегаешь домой, отрезаешь краюху хлеба, наливаешь кружку молока или простокваши и... нет ничего вкуснее, чем хлеб с молоком. Хлеб любой, пусть белый или чаще черный, но это так вкусно, это не объяснить словами, это надо попробовать. Попробовать, набегавшись целый день на улице и когда съешь все это, тут же засыпаешь, едва положив голову на подушку. Но это было давно..

41. Маме посвящаю

Мама родила меня поздно, в 44 года. Я был последним ребенком. Шла война, хотя уже не у нас, а где-то далеко на западе. Вот в это тяжелое время я и родился, Я помню себя, наверное лет с пяти-шести. Жили мы бедно, но речь не об этом. Мне казалось, что наша мама уже старая, хотя ей было 50. Была она худенькой и невысокой, с маленькими, но очень сильными руками. Мама была красивой женщиной, но совершенно глухой. Поэтому замуж ее никто не хотел брать. Муж был, но как сейчас говорят, жили в гражданском браке. Он погиб на фронте в 43 году.

У меня был другой отец, которого я и в глаза не видел, значит я был нагулянный, как говорил мой старший брат – зауглан. Конечно, какое воспитание могла дать нам крестьянка, которая все время работала в колхозе, чтобы хоть как-то прокормить нас троих? Но я вопреки всему вырос и стал нормальным человеком. Помню, когда нужно было весной заготовливать дрова, она брала нас на делянку. Брат и сестра были старше и помогали маме пилить дрова, а я складывал сучья в кучу, чтобы потом их сжечь. Хотя и был еще совсем мал, но у берез сучья нетолстые, толстые убирали они сами. Так же мама брала с собой в поле на работу, и я всегда ждал обеда, мама кормила меня, отдавая самое лакомое. А это были шаньги, обыкновенные шаньги с картошкой, но мне казались такими вкусными, что кажется не было ничего вкуснее на свете. Я и сейчас иногда прошу испечь такие свою жену. Она печет, но мне кажется не такие, как были у мамы.

Спали мы все на русской печке. Печка у нас была большая, и мы свободно все на ней умещались. Мама ложилась с краю, я всегда спал рядом с ней, просунув свои ножки между ее коленок. Она всегда прижимала меня к себе и гладила по спине, пока я не засну.

Мама прожила до 86 лет, я хорошо помню ее лицо, помню ее теплые мягкие губы и маленькие, самые красивые руки. Когда приезжаю на родину, всегда хожу на ее могилку и сижу. Я с ней разговариваю, она для меня живая до сих пор, хотя умерла в 1986 году. Помните свою маму, помните до конца дней своих, потому что для нас мама, жива всегда...

42. Ранетки

У нас в селе сроду не было садов, даже палисадники у дома были единичны. Дворы были огорожены заплатами из нетолстых бревен, набранные между толстыми столбами. Также были и тесовые ворота с калиткой, у некоторых домов с навесами. Во дворе были хозяйственные постройки для скотины и обязательно банька.

Но появился в селе человек, то ли украинец, то ли молдаванин из эвакуированных во время войны. Этот человек, мужчина пожилого возраста выпросил у председателя колхоза небольшой кусок земли – соток тридцать-сорок. Где он взял саженцы яблонь, а может вырастил сам, яблонь-ранеток. Засадил этими яблоневыми саженцами весь участок и они все прижились. Через несколько лет это стал яблоневый сад. Конечно, яблочки были мелкие, но мы были рады и таким, раньше-то вообще ничего не было. Просто в Зауралье не выращивали никаких фруктовых деревьев. У него в саду росла малина и одна слива, плоды которой были красного цвета. Это для нас было вообще в диковину.

Мы, детвора, конечно, не могли удержаться от соблазна залезть вечером в сад, когда там висит столько красных, пусть и маленьких, но яблок. Вкус был терпким, но не кислым, а скорее приятным. Я не знаю, куда девали урожай яблок, может сдавали на районный консервный заводик. Для населения они были без надобности в большом количестве, так как варить варенья из чего-либо, не было моды, а уж из ранеток, тем более. Где столько сахара напасешься? Нам же, ребятне, хватало и так досыта, мы же убирали урожай вместо физкультуры и просто после уроков, копали картошку. Конечно, не бесплатно, осенью нам колхоз выплачивал какие-то деньги.

Впоследствии этот сад был вырублен, так как садовод умер и ухаживать за садом стало некому. Сейчас на месте сада построили дома, целую улицу. Сейчас в Зауралье растут яблоки, и сливы: вывели морозоустойчивые сорта, даже есть ползучие, которые ложатся на зиму под снег. Но тот первый сад помнят только те, кто жил в селе в то далекое время. Я с теплотой вспоминаю те, наши первые яблочки-ранетки.

43. Фонтаны

У нас в селе было два фонтана, это фонтанирующие артезианские скважины. Когда-то их пробурили то ли геологи, то ли гидрологи. Уже никто и не помнит. Один фонтан был пробурен на той стороне реки, километрах в трех-четырех от села в урочище «Чаша». Там был летний лагерь для колхозных коров, где их пасли и поили водой из этого фонтана. На трубе стояла задвижка и ее открывали, когда было нужно поить скотину.

Второй фонтан был на нашей стороне, на Каменухе, это от села в трех километрах вниз по течению реки. Фонтан был пробурен на высоком берегу, прямо в березовом лесу. Задвижки на нем не было. Вода лилась постоянно и промыла берег до уровня воды в реке. Вода в фонтанах была чистейшая и холодная, как лед.

Мы, ребята, всегда летом бегали к фонтану в березовый лес искупаться в холодных струях воды, падающих с высоты нескольких метров, так как промоина была глубокой и в песчаном грунте. Мы с визгом становились под этот ледяной душ, и постояв несколько десятков секунд, выскакивали и зарывались в горячий песок, чтобы согреться.

Справедливости ради нужно отметить: мы никогда не простывали и не болели. К фонтану всегда бегали гурьбой, а в лесу собирали и ели ягоды. Сколько было груздей, которых наламывали ведрами и тоже мыли их у этого фонтана. Сюда же пригоняли напоить коров селян, которых пасли в этом же лесу. Накупавшись и наигравшись у фонтана, бежали домой, так как были голодные. Дома, если взрослые были на работе, лезли в печь, вытаскивали оттуда ухватом чугунок с варевом, наливали теплых, распаренных щей и с хлебом наедались до отвала. Если было не вмоготу достать чугунок, то просто наливали кружку молока и выпивали его в прикуску с хлебом.

В селе дети всегда были самостоятельны и многое умели делать сами, если это было нам под силу. С весны и по осень, наши ноги не знали обуви. Как же здорово было бегать по лужам после грозы, босиком!..

44. Омут

Село расположилось вдоль реки и было длинным. В каждом краю были свои места для купания. У нас был свой небольшой омут перед речным перекатом. С нашей стороны берег был высоким и обрывистым, наверное, метра два с половиной, другая же сторона была песчаной. Когда начиналась дневная жара и мы, ребята, набегавшись по улицам или сходяв в лес за грибами или ягодами, бежали к своему омуту купаться. Бежали, жуя на ходу краюху хлеба, потому как поесть дома, эту самую краюху с молоком, было недосуг: омут ждал. Бежали гурьбой наперегонки, на ходу стаскивая с себя рубахи и штаны. Подбежав к обрыву, бросали одежду и недоеденную краюху на берег, прыгали в воду, кто как мог. Кто был поотчаянней, тот прыгал вниз головой, остальные поджав ноги – бомбочкой. Если купались девчонки, они с визгом выскакивали на берег и стыдливо отворачивались, прижимая руки к груди. Купались в речке до посинения, пока не начинали чакать зубами, только тогда выходили на песчаный берег и зарывались в горячий песок. Отогревшись, снова лезли в воду и накупавшись, вылезали на свой берег, одевались и бежали по домам.

Есть хотелось зверски, наевшись, у кого что было в печи, снова бежали на улицу и играли. Ближе к вечеру шли по домам: нужно было поливать грядки с огурцами. Полив грядок – это была наша святая обязанность, взрослое население были на работе. Вечером, когда вся семья собиралась дома и садились ужинать, было и такое, что засыпали прямо за столом.

Было это давно, сейчас тоже ребяташки бегают купаться, но на улице проводят времени на много меньше, чем мы. Настал век компьютеров и планшетников, айфонов и смартфонов, прогресс на месте не стоит, наверное это хорошо.

45. Гнездо перепёлки

Вечерело, по селу раздавался перестук молотков, это мужики отбивали литовки. С завтрашнего дня все, у кого есть какая-то скотина во дворе, идут на покос. Для покоса сена для себя выделялось несколько дней, и все старались уложиться в срок. Утром, на восходе солнца, все косари были уже на своих делянках. Конечно, на лучших местах колхоз косил для колхозной скотины, а для колхозников выделялись все неудобья, где сена много не возьмешь. Но как бы то ни было, без сена никто не оставался, это если не было засушливого лета. Лето без дождей для деревни беда. Но в этом году трава уродилась по пояс и густая, только бы не подвела погода.

Дядя Петя на покос пришел рано, еще до восхода солнца. Делянка у него была по кромке леса и по кустам, а это значит сено в тени берез будет сохнуть дольше. Но такое сено ценилось выше всего, оно было зеленым и тяжелым, ложилось в копны плотно. Дядя Петя снял пиджачишко, повесил его на сучек и, плюнув в ладони, начал косить. Литовка была хорошо отбита, направлена брусом и траву сбивала до самой земли. Дядя Петя умел косить, литовка словно пела у него в руках, с вжиканьем срезая траву. Рубаха, выпущенная поверх штанов, между лопаток стала мокрой от пота. Вдруг из под литовки выпорхнула птица, это была перепелка, она сидела на гнезде. Дядя Петя присел, раздвинул траву руками и увидел гнездо с птенцами, Птенцы были крохотными, видимо только что вылупились и у всех были раскрыты клювики, с задранными вверх головками. Перепелка металась вокруг дяди Пети, но что она могла сделать. Дядя Петя посмотрел на птенцов, и сказал: «Ладно, живите, не трону я вас». Встал на ноги и аккуратно обкосил этот клочок с гнездом. Перепелка успокоилась и села на гнездо, чтобы согреть своих детей, утро было еще прохладным. Когда роса высохла, косить стало тяжелей и дядя Петя пошел домой. Дома он сказал жене: «Пойдешь ворошить, смотри там гнездо перепелки не нарушь, цыпушки там малы еще совсем». Так дядя Петя ходил три утра косить по росе, а вечером сено можно было сгребать в копешки.

Погода стояла жаркая и скошенная трава высыхала за день. Гнезд больше не попало, а вот маленькие зайчата, успевали выскочить из под лезвия литовки. Перепелка, наверное, выкормила свой выводок, оставленный дядей Петей жить. Сенокос пора жаркая и по вечерам в деревне слышен перестук молотков – это мужики отбивали литовки.

46. Гроза

Солнце медленно ползло к зениту и припекало все сильнее и сильнее. К обеду стало невыносимо жарко, какая-то влага появилась в воздухе. Стало тяжело дышать. Воздух словно замер. Не шелухнется ни один лист на деревьях, не слышно щебета птиц в лесу. Все замерло в ожидании чего-то такого грозного и непонятного. На небе не было ни облачка и оно тоже стало каким-то не таким голубым, а словно выцветшим. Но вот ухо уловило какой-то непонятный звук, который исходил как будто изнутри земли, звук походил на глухой, далекий раскат, как будто где-то далеко ударили по листу железа. В небе из-за макушек деревьев появилось темное облако, оно стремительно надвигалось и превращалось в огромную черную тучу, закрывавшую все небо. Вдруг налетел ветер так внезапно, и такой силы, что все, что могло летать, поднялось в воздух. Ветер закручивал из пыли и мусора вихри, которые неслись по дороге с огромной скоростью. Вдруг ветер стих, так же внезапно, как и начался, все замолкло и наступила звенящая тишина. Упали первые, крупные капли дождя и на небе полоснула молния, такая зигзагообразная и длинная, что осветило все. Через короткий промежуток времени, раздался гром такой силы, как будто кто-то гигантский разорвал толстый брезент и полил дождь. Дождь шел сплошной стеной, сразу появились лужи, земля хоть и просила воды, но столько сразу, не могла впитать. По обочинам и канавам понеслись потоки воды, которая смывала всю грязь и уносила куда-то в овраги. Молнии сверкали постоянно, гром гремел почти без перерыва и все живое попряталось от такого натиска воды и грохота. Вдруг все закончилось так же внезапно, как и началось. Закончился дождь и туча понеслась дальше, унося с собой молнии и грохот грома. Выглянуло солнце и природа ожила, ожила напоенная дождем, на траве и листьях искрились капельки воды как бриллианты, в лесу за щебетали птички, они тоже умылись. В небе появилась радуга коромыслом. Гроза умыла землю и все что на ней растет, она смыла всю грязь. Все принарядилось, ожило, стало веселым и чистым. Прошла живительная гроза, гроза напоившая землю.

47. Печник

Закончилась война и потянулись фронтовики домой. Также и в наше село стали возвращаться мужики, кто остался в живых. Приходили здоровые, которых ни пуля, ни осколок не нашли, но большинство были с ранениями. Пришел с войны и Федор, пришел покалеченный, весь какой-то перекрученный и скособоченный. Как он потом сам рассказывал, попал под немецкий танк. Было это уже в конце войны, танк развернулся на его небольшом окопчике и переломал Федору все кости гусеницами. Как он только остался живой, одному богу известно. Нашла его полужасыпанная и полуживая медсестра и вытащила с поля боя. Сам Федор был мужичком небольшим и худеньким, ходил скособоченным, таким его собрал хирург в госпитале. Была у него жена, милостивая на лицо, но рослая, выше его на голову. Когда Федор выпьет крепко, она тащила его домой подмышкой, как мешок картошки.

Федор хорошо умел класть печи. Печи он клал любые, от русской и до голландки – круглой под железом. Он сам месил глину на раствор и знал в какую и сколько положить песку. Готовность раствора пробовал на язык, погоняв его во рту, сплевывал на пол и говорил: «Готово, пусть постоит, напитается». Чем напитывался глиняный раствор, знал только Федор. Помощником у Федора всегда был хозяин, которому он клал печку или хозяйка, если не было мужика в доме. Клал не торопясь, но получалось быстро, если печь была большой, то управлялся за пару-тройку дней, а простые печки – за один день. У Федора была такса за свою работу: хозяин должен был ставить бутылку водки за день работы, которую тот выпивал в процессе работы. По завершении они с хозяином пускали дым в трубу и если в печке гудит пламя, что происходило обязательно, они обмывали это дело до того, пока не придет жена Федора и не заберет его домой. Если в процессе работы не было бутылки, хозяин попадал скупой, то печь никак не хотела разгораться и весь дым шел в дом. Хозяину волей-неволей приходилось раскошелиться и поить Федора, который после застолья лез на крышу дома и что-то там поколдовав кричал: «Затопляй!» Дрова в печи сразу разгорались и пламя начинало гудеть. Федор удовлетворенно крякнув изрекал: «Федор плохо не любит». Что он этим хотел сказать, можно было только догадываться. Денег он за работу не брал, но печи клал с удовольствием.

В колхозе Федор работал шорником, чинил упряжь для лошадей. Вот такой был у нас в селе удивительный человек, по которому проехался немецкий танк, но не смог до конца его сломать. Русских нельзя победить, мы живучие.

48. Плотик

Ближе к вечеру, когда солнце уже не пекло, а вода в реке нагревалась как парное молоко, деревенские бабы потянулись постирать кое-какое бельишко. На берегу был сделан небольшой настил – плотик, который одним концом был на берегу, а другой в речке. На плотике бабы стирали свое нехитрое белье, стоя в воде по колени, заткнув подола за пояс. Намочив бельё в воде речки, клали его на доски плотика, намыливали хозяйственным мылом и колотили по нему вальком. Валик был деревянным, сделанный для этого дела и звук ударов, разносился по округе. Если не было такого валька, то скручивали бельишко в жгут и колотили им по доскам плотика, звук был таким шлепающим и смачным.

В это время на реку пригоняли лошадей, чтобы попоить и гнать их в ночное на пастбище. На пологий берег из воды выходили гуси и с гоготом гуськом шли по своим дворам, где их в корыте ждала подкормка, в виде зерна. Отхлестав и прополоскав белье, бабы шли по домам и во дворах развешивали мокрое белье. Завтра сухое белье будет поглажено. Утюги тогда были редкостью на углях, гладили по-своему по-деревенски. Накручивали белье на круглую чурочку и прокатывали на столе валиком. Валик был сделан овальным и с рубцами с одной стороны.

Вечером в деревне у баб всегда были дела: надо подоить корову и загнать всю живность в хлев, собрать ужин и накормить семью. После ужина мужики выходили к воротам на скамеечку выкурить сигарку махорки или самосаду и шли спать, в деревне спать ложились рано. Только молодежи не спалось, они собирались где-нибудь на излюбленном месте и пели песни под гармонь. Иногда в деревню привозили кино, тогда все приходило в клуб, в кино. Так текла повседневная жизнь в деревне, были свои радости и горести, просто все делали то, что положено делать. Это было давно, пока цивилизация не пришла и в деревню. Постепенно и как-то незаметно все менялось и уже не стали стирать бабы на речке белье, только иногда ходили полоскать.

В наше время этого уже никто не делает, да и кому делать, в деревнях доживают свой век старики.

49. Иней на деревьях

Для многих самое лучшее время года это лето. Но хорошим временем бывает и весна, когда после долгой зимы начинает ярче светить солнышко. Когда набирают силу ручьи и появляются первые проталины, а затем и первые цветы. Разве это плохое время года? Лето – это тепло, лето это вода, лето это витаминное изобилие, зелени, овощей, первых ягод и фруктов. Осень тоже хороша яркими красками увядающей природы и обильным урожаем.

Я люблю и зиму – зиму не слякотную, а морозную, со скрипучим снегом под ногами и сугробами. Зима самое чистое время года, белым покрывалом снега прикрывает всю грязь, поздней дождливой осени. Как красиво зимой, когда идет снег крупными снежинками, кружась в воздухе и медленно опускаясь на землю. После такого снегопада снег еще не слежался и кажется таким мягким, пушистым и легким. Какие красивые деревья, когда покрываются инеем и изморозью. Когда выходишь утром из дома, из печных труб домов поднимается вверх дым, а деревья стоят все белые. Думаешь, что попал в сказку. В сказку из какого-то далекого детства, когда бежишь в школу, которая находится в середине деревни, и снег под ногами только вжикает. Но вот подул легкий ветерок и вся эта белая красота на деревьях вдруг ожила и посыпалась вниз на землю, и деревья стали другими. Но они все равно не потеряли своей привлекательности, только контрастней стали выделяться на фоне белого снега. Нет, зима тоже хорошее, красивое время года.

50. Ботинки для пионера

Сегодня «День пионера». Вчера Валентина Ивановна, учительница четвертого класса и пионервожатая, предупредила всех пионеров, что нас повезут в район на слет пионеров. Я встал пораньше – боялся опоздать, одел ботинки. Ботинок мы в теплое время года сроду не носили, а тут нам сказали, что босыми на слет не повезут. Правда, у меня не было хороших ботинок, но выбора не было все равно, и одел какие были. А были такие, что просили каши и пальцы гуляли на свободе. Я очень надеялся, что вожатая не заметит моих рваных ботинок и побежал к месту сбора отряда. Собирались у школы, когда пришла вожатая и, построив нас в шеренгу, стала осматривать у всех ли были повязаны галстуки и как мы одеты. Тут-то она и увидела мои рваные ботинки. Я подумал: «Все, не возьмут» и чуть не заплакал. Но Валентина Ивановна взяла меня за руку и сказала:

– Пойдем со мной, – и повела меня в здание школы, где в учительской открыла шкаф и достала новые ботинки.

– Примерь, – сказала она и подала мне ботинки, я отказываться не стал и скинул свою изношенную обувь. Ноги, мы, конечно, не мыли от бани и до бани, но кто это увидит у меня в ботинках. Ботинки были как раз на меня и мы вышли из школы. Я с гордостью шел к ребятам, которые с завистью смотрели на мои новые ботинки, но они видимо были в шкафу только одни.

Подъехала машина и мы дружно полезли в кузов, в котором были скамейки. В районе мы колонной прошли мимо школы десятилетки и по центральной улице направились на стадион, который был одновременно площадью. Отряды были со всех сел и из самого городка, так что колонна была приличной. Мы шли с барабанным боем и под звуки пионерских горнов. После праздничных приветствий и программы, нас повели в столовую покормить. Вот тут мы впервые увидели котлеты, которые в селе отродясь не делали. Котлеты были большими и очень вкусными, с картофельным пюре и подливой. Домой мы приехали уже к вечеру и все побежали по домам, делиться впечатлениями о поездке с родными. Я шел домой с трудом, и когда снял новые ботинки увидел, что у меня ноги стертые до крови. У меня не было носок. Но это не смутило меня, и я был рад, что съездил на слет, что было так здорово, и какие вкусные были котлеты с подливкой! А что ноги, они заживут, так как до школы все равно времени еще много, впереди целое лето. Мама тоже обрадовалась, увидев новые ботинки, на осень у меня была новая обувь.

51. Семечки

В то далекое время, когда я был еще школьником и жил с мамой в селе, все очень любили щелкать семечки подсолнуха. Подсолнухи сажали все, сажали между рядками картофеля, и где только можно. Когда цветет подсолнечник, то кажется все огороды засажены солнышками, которые свои головы-шляпы поворачивали вслед за солнцем. Как только верх шляпки подсолнуха становился желтым, это значило, что его можно уже срывать и, очистив от соцветий, есть семечки прямо сырыми и по несколько штук за раз. Просто выдавливали зерна из кожуры зубами и выплевывали шелуху.

Когда подсолнухи созревают полностью, их срезают, колотушкой выбивают семечки и сушат на русской печи. Накалывали по мешку, а то и больше, так что всю зиму можно было щелкать, когда угодно и где угодно. У всех в карманах были семечки и щелкали их просто машинально, по привычке. Особым шиком у женщин было шелуху не сплевывать, а просто выгаликивать ее через губу и у них нарастала длинная борода из шелухи на подбородке. После они ее просто смахивали ладонью, опять же на пол. Когда в село привозили кино, то после просмотра уборщице приходилось выметать метлой шелуху из зала, потому что обратно в карман ее класть никто не будет. Семечки сажали только серые, крупные, когда они высохали на печи, то начинаешь их ворошить, они издают такой шелестящий, очень приятный звук, это значит они готовы.

Конечно, сейчас их тоже щелкают, Но шелуху в клубе уже не выплевывают на пол. Если семечки начинаешь щелкать, то остановиться уже невозможно. Сейчас тоже сеют семечки и делают на них бизнес, крупные обжаривают, фасуют в пакетики и продают, из мелких делают масло. Этот товар всегда имеет спрос. Щелкайте семечки, это вкусно, но шелуху на пол не плюйте – это некрасиво.

52. Повариха

Вот и созрели хлеба на полях, колосья пшеницы налились тяжестью и склонились книзу. Пришла пора страды, то есть уборки урожая. В колхозе было несколько прицепных комбайнов, которые таскали тракторами. Вся техника была отремонтирована и ждала своего часа. Все было подчинено уборке урожая, механизаторов с водителями автомашин нужно было кормить прямо в поле. Для этого всегда назначали кого-то из колхозниц поварихой, которой выделяли лошадь с телегой и продукты. Разносолов конечно не было, но мясо было всегда, Суп всегда был наваристым с хорошими кусками мяса. Повариха с утра запрягала лошадь, получала на колхозном складе продукты и ехала в поле, где работал комбайн, там разводила костер и на нем варила суп.

Хлеб пекла пекариха у себя дома, ей выдавали для этого муку только белую и калачи всегда были белыми, мягкими. Буханками или булками белый хлеб не пекли, только калачами. Сварив на костре суп, повариха ставила его на телегу и везла к комбайну, где прямо на стерне обедали механизаторы. Пообедав, комбайнеры продолжают работу, а повариха отправлялась на другое поле, где тоже работал комбайн. Так накормив всех, она ехала домой уже не спеша.

Дорога шла полями и кругом стояла еще не сжатая пшеница, она волнами перекатывалась по полю. Стояла теплая погода, в небе летали стайки каких-то птиц, которые наверное собирались лететь куда-то далеко на юг, на зимовку. Лошадь шла не спеша, на ходу пытаюсь дотянуться до колосьев, иногда это ей удавалось, и тогда повариха дергала за вожжи и понукала ее. Некоторые поля были уже скошены и на них желтыми, ровными рядами стояли копешки соломы, которые тоже соберут в скирды. Страда в колхозе самое приятное время года, хотя работать приходилось от зари и до зари. Делали это с удовольствием, люди видели результаты своего труда, да и заработок в это время был выше. Так потихоньку доехав до дома, повариха сгрузила свое поварское хозяйство, которое она вымоет и приготовит к следующему дню. Лошадь отведет на конный двор и сдаст конюху. Так закончился день поварихи, кормилицы механизаторов, завтра все повторится с начала, только поле будет уже другое.

53. Коряушко

Коряушко – это небольшое озерцо, совсем маленькое, скорее большая лужа. Озерцо это рукотворное, выкопанное руками. С трех сторон насыпан земляной вал, который примыкал к четвертой стороне, она была выше. Выкопали его давным давно, даже старики не помнят когда, для замачивания льна. В селе было небольшое поле льна для нужд селян. Озерцо было не глубоким, по пояс взрослому человеку, но для нас детворы было как раз. Когда в селе запретили купаться в речке, так как ее отравили радиоактивными отходами, нам больше нигде было купаться летом. Почему озерцо так назвали, тоже никто не знал. На дне было несколько десятков бутовых камней, которыми когда-то прижимали льняные снопы, чтобы они не всплывали. Камни от времени уже вросли в дно и не мешали нам купаться. Конечно, о чистоте воды говорить не приходилось, потому как мы все перебаламутим во время купания. Зато играть в пятнашки было здорово, нырнешь и тебя не видно куда ты поплыл.

К осени воды становилось совсем мало, но нам уже было не нужно, жаркое время заканчивалось. Озерко было выкопано в поскотине, кругом стоял березовый лес, место было очень красивым. Как-то летом геологи пробурили на берегу скважину. Чего они там искали, мы не знали, но после них из скважины потихоньку текла вода. Ручеек был совсем маленьким, но для озерка этого вполне хватило и оно стало потихоньку заполняться. Купаться было можно, хотя вода все равно при купании становилось мутной. Конечно, этот маленький водоем не решал проблем с купанием, но нам, детворе, так хотелось летом в жару искупаться и понырять, что мы были рады и такой воде.

Наверное в Коряушке уже давно никто не купается, потому что в селе не стало ребятишек, а оставшиеся, наверное, не знают про это малюсенькое озерцо, которое было выкопано руками, в красивом месте, в поскотине.

54. Конопля

Июль месяц подходил к концу. В огородах уже выросло полно всякой зелени: огурцы, лук-перо, горох и много еще чего, чем мы могли бы поживиться по чужим огородам. Конечно, все это росло у каждого из нас, но чужое всегда было слаще. Вокруг плетней, которыми были огорожены огороды, всегда в изобилии росла крапива, лебеда и конопля. Нам, ребятам, не составляло труда незамеченными добраться до грядок и нарвать что попадет под руку. Морковку мы ели невымытой, просто обтирали ее ботвой, также и все остальное.

За селом, рядом с поскотиной, было небольшое поле, даже не поле, а участок, на котором росла одна конопля, такая густая и высокая. Вот туда мы после набега на очередной огород и бежали со своими трофеями. В конопле было интересно играть в войнушку, подкрадываясь к неприятелю по протоптанным тропинкам. Когда конопля созревала и появлялись семена, мы в кулак сдергивали макушку, где были зернышки. Помяв их между ладоней, провеивали от листочков. Очистив, кидали зернышки в рот и, разжевывая, глотали. Вкусом они напоминали мак и были очень вкусные. Откуда брались эти заросли конопли, мы не имели понятия, ее никто не сеял. Конопля, как и лебеда с крапивой, росла сама по себе. В то далекое время, мы и слыхом не слышали, что конопля наркотическое растение. Может та, наша конопля, не подходила для этого, может какая-то другая есть... которая у нас в Зауралье не растет, хорошо бы.

55. Зыбка

В те времена, когда я был еще маленьким, сельские женщины рожали детей дома. До района было далеко, а вести на лошади небыло смысла. Вот и жена старшего брата рожала дома, под присмотром женщины-фельдшера. Рожала трудно, меня загнали на полати, но я все равно слышалее крики. Наконец родился мальчик. В те времена в селе не было детских кроваток и колясок – были зыбки. Зыбки были придуманы в незапамятные времена и разные. Были простенькие, это кто был победней, но были и очень красивые, резные, сделанные с любовью.

Зыбки хранились и передавались по наследству, так же их давали в пользование родственникам или друзьям, у кого появлялся ребенок. Зыбку подвешивали к матице потолка, где для нее был забит крюк и она качалась на стальной пружине, или на тонкой жерди. Так же была зыбка и у нас. Ребенок был не очень спокойным и нам приходилось все время его качать, суя в рот соску.

В то время дети росли крепкими и редко болели, так как кормили их молоком матери, а когда они подрастали, то давали им тоже что ели сами, только пережевывая.

Племянник рос, и как только стал на ножки, и зыбка уже была мала, так как он мог из нее выпасть, ее убрали и он стал спать с нами на печи. Кровать была одна, для брата с женой. Сейчас, в наше время, зыбку не найдешь, да и перестали ими пользоваться – прогресс. Да и детей маленьких кормить стали совсем по-другому, они уже не спят на русской печи.

56. Самануха

Полевые станы в колхозе были по обеим сторонам речки. Они были для того, чтобы во время посевных и уборочных работ было где подремонтировать сеялки и колесные трактора. На нашей стороне стан был километрах в трех от села и стоял он на опушке леса. Был там выкопан колодец, чтобы было где брать воду для моторов тракторов и комбайнов. Также из них черпали воду, чтобы напоить лошадей, на долю которых, в то далекое время, ложилась масса работ.

Стоял на стане домик для обогрева в ненастную погоду, где можно было пообедать и даже переночевать. На ночь оставались только те, кто был не женат, так как во время страды дома нужно было рано вставать и идти сюда на стан. Также во время посевной или уборки на стане готовила обеды повариха. Домик был не обычным, а сложен из самана, что для нашего села было редкостью. Саманухи были у некоторых жителей, но они использовались только в хозяйственных нуждах. Домик на стане так и называли – самануха. Он был теплым в холодное время года и в нем было прохладно в летнюю жару. Кто и когда построил этот домик, тут, на полевом стане, не помнили даже старые жители села. Казалось, что он был тут всегда.

Мы, ребята, летом часто прибегали на стан, в лесу которого всегда было чем пожить. Тут росла дикая вишня и костянка, тут обирали кусты черемухи, также сюда, в этот лес, ходили за груздями, которые потом мыли у колодца. В саманухе можно было посидеть с мужиками, которые приходили сюда пообедать и послушать их байки. Во время уборочной страды на стане всегда было многолюдно. Тут был ток, куда свозили зерно от комбайнов и молотилок, которое женщины провеивали от сорняков и мякины. Женщины раз в год, именно в страду, приводили в порядок самануху. Они все выметали, мыли и белили, домик приобретал нарядный, веселый вид.

В настоящее время я езжу на родину, в свое село, и иногда проезжаю старые любимые места детства, также и полевой стан. Но с годами, надобность в нем, видимо, отпала, дорога заросла. Не бывает там женщин, никто уже давно не чистит и не белил домик из самана. Да и домика уже почти не осталось, так, только стены с пустыми глазницами окон, которые с тоской и укором смотрят на тех, кто приходит за дарами леса. Самануха знала когда-то лучшие времена, времена нашего детства...

57. Кузня

Кузня в селе была всегда, даже не одна, а две. Село большое и расположено было на обоих берегах речки. Одна кузня была на той стороне, вторая – у нас, на этом берегу. Мы, ребятня, любили прибегать к кузне, потому как не было интереснее места на свете.

У кузни стояла старая молотилка для зерна, когда-то она работала в поле. К ней подвозили снопы пшеницы или ржаные, совали в барабан и из желоба, откуда-то из нутра, струйкой сыпалось зерно прямо в мешок. Но вот трактором притащили комбайн и молотилку поставили к кузне за ненадобностью. Мы залазили в нутро и нам было так интересно осматривать и понять, как это из снопов получалось зерно.

Напротив кузни была столярка, в которой тоже было что посмотреть. В ней изготавливали деревянные колеса для телег, сами телеги и делали сани-дровни. Двор кузни и столярки был большой, на нем стояли и лежали старые телеги и сани, ждавшие ремонта.

Рядом с кузней стоял станок для ковки лошадей. Лошадь заводили в станок, обрабатывали и обрубали копыта, которые у них растут, как у нас ногти. Это нужно было делать постоянно, потому что необрубленные кромки копыт вырастали и лопались, тогда лошади трудно ходить. Когда все это было сделано со всеми копытами, их ковали, подбирали по размеру подкову и прибавали к копыту. Прибавали специальными гвоздями – ухналями, которые ковались тут же в кузне, как и подковы, к самой кромке копыта. Концы вылезших насквозь ухналей обрезают кусачками. Все – лошадь получила новую обувь и будет в ней ходить, пока не сотрутся шипы. Мы всегда смотрели, как подковывают лошадей и гладили их морды. Нам всегда казалось, что им больно.

В столярке столяры каким-то образом скручивали березовые брусочки в круг, вставляли деревянные спицы, кузнецы одевали на них железные обручи и все – колесо готово. Так же вязали сани, которые делались без единого гвоздя, но были настолько крепкими, что служили долгие годы.

Самое таинственное было то, как делают древесный уголь для кузни. Закладывают в специально сделанную яму березовые чурки, поджигают и закрывают так, чтобы туда не попадал воздух. Через определенное время, яму открывают и в ней вместо дров, был уголь, который горел в горне кузни и разогревал железо добела. Нам, ребятне, было непонятно, как из березовых дров получался черный уголь.

Нам интересно было наблюдать, как работал кузнец и его помощник молотобоец. Нам иногда давали покачать меха, что мы с гордостью делали. Меху струей воздуха раздували огонь в горне, который весело горел и раскалял железо. Кузнец клещами ловко выхватывал раскаленный добела кусок железа из огня, клал его на наковальню и молотком показывал молотобойцу, куда нужно бить кувалдой. Молотобоец, а это как правило крепкий парень, бил по указанному месту. Так с перестукиванием молотка с кувалдой били по раскаленному железу, пока оно на получало нужную форму. Затем кузнец клал молоток на бок, это означало конец, и быстро бросал деталь в емкость с водой. Вода шипела и брызгалась, металл быстро темнел и охлаждался. Все, деталь готова, ее можно ставить туда куда нужно.

Вот такая кузня была когда-то в селе: можно было часами смотреть за работой кузнецов и играть в прятки во дворе, полном старых телег и саней, ждущих ремонта, с ямой для угля. Таких кузниц и столярок рядом с ними давно уже нет, и мало кто о них помнит. А это был неотъемлемый колорит села, если церковьместилище души, то кузня-это сердце.

58. Колька. На мельнице

Мельница стояла на реке в двух километрах от села вниз по течению. Там была запруда, чтобы летом водой можно было вращать мельничные жернова. Зимой жернова вращали при помощи колесного трактора со шкивом, на который одевали толстый брезентовый ремень. Но рассказ не об этом. Захотелось нам с ребятами половить у мельничной запруды налимов и раков. По утру я зашел к другу Кольке, который жил в соседнем доме, и мы пошли с ним в сторону мельницы. По пути зашли еще к друзьям и вчетвером побежали вдоль реки, гремя котелками, к мельнице. Один берег был крутым и мы знали, что в нем есть норы, в которые прячутся днем раки. Также такие норы занимали налимы, наверное, тоже на день. Мы с Колькой разделись и полезли в воду, глубина была не очень большая, но скрывало с головой. Приходилось подныривать и шарить по стенке берега, выискивая нору. Колька вынырнул из воды, схватив ртом воздуха крикнул:

– Шурка, лови! – и кинул рака на берег. Шурка – это наш третий друг и одноклассник, осторожно взял рака за хвост и поднял его в воздух, потряс и кинул в котелок. Я, поднырнув очередной раз, нащупал нору, засунул в нее руку и меня за палец больно ухватил клешней рак. Я вытащил на пальце руки рака из норы и вынырнул на поверхность, потрясая рукой. Рак был здоровенным и не хотел отпустить палец, я осторожно взял его за середину и чуть придавил. Рак разжал клешню, и я кинул его на берег. Так мы с Колькой продвигались вдоль берега, вытаскивая раков одного за другим. В очередной раз я, поднырнув, сунул руку в очередную нору и почувствовал что-то крупное и скользкое. Это была голова налима. Я обхватил его чуть ниже головы рукой и потянул на себя, вытащив голову из норы. Я взял налима двумя руками и вытащил его наружу. Вынырнув, я крикнул ребятам:

– Есть налим и большой кажись! Кто-нибудь помогите!

Шурка, не долго думая, прыгнул в воду и тоже пытался схватить скользкое тело рыбины. Но налим извивался ужом и пытался вырваться из моих рук. Я держался изо всех сил, болтая в воде ногами, чтобы не пойти на дно, но налима не выпускал. Наконец Шурка и подоспевший Колька крепко ухватили обессиленного налима и выкинули его на берег, где его, прижав к траве четвертый наш товарищ, за визжал от восторга. Налим был таким большим, длиной оказался чуть меньше нашего роста.

Мы все вылезли на берег, оделись и довольные своей работой пошли домой. По пути зашли к Шурке, так как он жил с матерью и младшим братишкой и отдали рыбину. Мать была дома и сказала, что сейчас сварит нам уху из налима. В то время не было газа и печки летом не топили. Варили ужин на таганочке, который ставили на шесток печи, под него клали щепки и разжигали огонь. Пока тетя Паша варила уху, мы в огороде на костерке сварили раков. Вот такой богатый ужин получился у нас в тот день: уха из налима и раки.

59. Лога (овраги)

Меня мама попросила сбегать в лог за белой глиной. Лог – это обыкновенный овраг, но в Зауралье оврагов нет, есть лога. В нашем селе было два лога и оба были в покотине в березовом лесу. Лога были глубокими и по ним весной неслись потоки талой воды в речку. Берега были крутые, заросшие кустарником, на них в траве хорошо росла земляника. Ягода всегда была крупной и сладкой. В одном логу, который был ближе к селу, на самом дне в берегу был выход белой глины. Селяне брали эту глину для побелки своих домов, раньше об обоях и не знали. Вот туда и нужно было мне сбегать, на брать немного глины. Я взял небольшое ведерко и по пути зашел к своему другу Кольке, который с радостью согласился сбегать со мной за глиной.

Одному в этот глубокий лог идти как-то жутковато, а вдвоем с другом не боязно. Пришли на место, отыскивали дыру, в которую нужно было залазить, чтоб набрать глины. Дыра была довольно глубокая и узкая, такая чтоб только пролез человек. Я, толкая ведерко впереди себя полез в эту нору и в конце начал ковырять глину острой палкой и складывать ее в ведро. Вдруг сзади что-то зашуршало: мне придавило ноги, обвалился свод и закрыл мне выход. Я не мог развернуться, нора была узкой и я с перепугу стал орать Кольке, который сидел недалеко и собирал себе в рот землянику. Колька услышал мой крик, он доносился глухо, как из-под земли, подошел и стал руками откапывать заваленный вход.

На мое счастье, обвалился только вход, а не вся эта чертова дыра. Тогда бы я сейчас не сидел и не писал для вас этот рассказ. Колька выл в голос и продолжал рыть, он был перепуган насмерть и боялся, что я там умру. Земля была мягкой и у него хорошо получалось, минут через пятнадцать-двадцать, он вытащил меня за ноги наружу. Мне же это время показалось вечностью. Ногти на пальцах рук у Кольки все были обломаны, но он не обращал на это внимания. Он бегал вокруг меня и что-то радостно говорил, при этом размазывая по щекам слезы. Ведерко с глиной я все-таки не бросил и вытащил его. Сделал, наверное, машинально, не думая.

Немного посидев, мы оба пришли в себя и направились домой. Глины маме я все-таки принес, но ничего не рассказал. Колька рассказал дома матери, а она мужу, который взял лопату и пошел в лог, он обрушил свод дыры, чтобы больше никого не завалило. Я мог пойти за глиной один, если бы Кольки не было дома, а уж вернулся бы я или нет, одному Богу известно. Колька был не только соседом, он был лучшим другом – настоящим.

60. горький дым

Осень, погода стояла теплой и сухой. Деревья почти сбросили всю листву, и в лесу был ковер из желтых листьев березы. После обеда, сделав уроки, я пошел к другу Кольке. Хотя он и был меньше меня, но мы с ним были большими друзьями. «Пойдем в лес, жарить хлеб на костре», – сказал я ему. Колька сразу согласился, и, отрезав несколько ломтей хлеба, сунул их за рубаху. По дороге мы позвали еще нескольких ребят и двинулись к покотине в березовый лес. В лесу было красиво, воздух был каким-то особенно светлым и чистым, белые стволы березок, выделялись на желтом фоне ковра из листьев.

Мы насобирали сучьев и разожгли костер, такой небольшой. Сучьев оказалось мало, и мы разбежались по лесу собрать еще, оставив без присмотра костер. От него загорелась листва, сперва потихоньку, но быстро расширяясь, сухие листья горели хорошо. Когда мы увидели этот пожар, то сильно перепугались и бросились наутек. Пожар, конечно, это сильно сказано, горел просто опавший лист и вреда особого он не приносил, но мы были все-таки детьми и перепугались. Добежав до опушки леса, мы остановились и, посоветовавшись, решили вернуться и попробовать потушить горящую листву сами, иначе дома нам попадет. Сломав по хорошей ветке, мы кинулись обратно и стали ветками гасить огонь, который быстро съедал листву и бежал дальше, оставляя за собой черную землю от пепла. Мы стали хлестать по огню и тушить его, дым застилал нам глаза и был каким-то горьким на вкус. Не знаю, сколько мы тушили этот пожар, нам казалось бесконечно долго, но все-таки потушили.

«Ну что, наелись жареного хлеба?» – спросил Шурка, размазывая сажу по лицу, и мы все рассмеялись. Мы долго смеялись, показывая пальцем друг на друга, потому что все были чумазыми от сажи, мы смеялись от того, что потушили огонь, что мы вернулись, нам было весело. Насмеявшись, мы пошли в село, на ходу ели свой хлеб, просто так, не поджаренный на огне костра, но он был все равно вкусным и пах горьким дымом.

На следующую весну, на том месте, где сгорели старые, сухие листья, выросла густая, зеленая трава, эта поляна выделялась среди леса.

61. Укус гадюки

День выдался жарким, как впрочем и все остальные. Лето в Зауралье всегда было жарким, а зима морозной. С самого утра начало припекать солнце, а воздух накаляться. Я пошел к другу Кольке и предложил сбегать с ребятами на Каменуху к фонтану. Купаться нам было негде – в речке не разрешали, ее охраняла милиция, а под струями фонтана можно было охладиться. Это было единственное место, где была вода, правда, она обжигала все тело, так как была жутко холодная. Но это может взрослым было неприятно, а нам, ребятам, все развлечение. Мы забегали под струю и с визгом выскакивали, зарываясь в горячий песок. На Каменухе был выход на поверхность горных пород дикого камня в виде ямы с гранитными стенами. Почему образовалась эта яма, мы не знали – может селяне выламывали бушины камня для фундаментов. Вокруг рос березовый лес, и было очень красиво, провал выглядел таинственно. Мы часто играли в этом провале. Так и на этот раз мы не обошли его стороной.

Искупавшись, мы пошли полазить по камням, поиграть в пятнашки. Взрослые нам говорили, что на Каменухе в этом провале водятся змеи, гадюки, но нам пока не встречались. Мы прыгали по камням, прятались, от того, кто водил. Неожиданно истошно завопил Колька: «Укусила, меня змея укусила!». Мы мигом все выскочили из провала, оставив там вопившего Кольку. Мы все слышали, что нужно отсосать кровь из ранки при укусе змеи, но напрочь забыли об этом. Я первый опомнился и быстро спрыгнул обратно в провал, схватил Колькину ногу и стал отсасывать и сплевывать кровь, делал это пока она текла из двух малюсеньких ранок. Колька продолжал вопить, он перепугался на смерть, нога вокруг ранки, покраснела и немного припухла. Кровь остановилась, Колька перестал вопить, а только всхлипывал, нога немного болела, но идти было можно. Мы с ним выбрались наверх, и все побежали в село, где мать Кольки вызвала сельского фельдшера, который осмотрел ранку и сделал какой-то укол. «Опасности никакой нет, жить будешь, вы все сделали верно», – сказал он и выписал какое-то лекарство. «Вот, надо в районной аптеке купить, у нас нет», – и, похлопав по спине Кольку, ушел. Колька выздоровел, и мы долго не лазили в провал, боялись гадюк.

Сейчас нет того провала, там был открыт карьер для щебня и все перекопали, нет того фонтана, куда бегали купаться. Да и бегать уже некому, – детей в селе почти не осталось...

62. Земляника с молоком

Конец июня был теплым, вовремя прошли грозовые дожди, и природа, напоенная водой и обогретая солнцем, цвела буйным цветом трав. В покотине, на холмах Кирпичного, так назывались холмы, так как там когда-то делали кирпич для колхозных нужд, поспела земляника. Мы с друзьями часто бегали в лес за ягодами, но земляника поспевала самой первой. Взяв по пол-литровой кружке, я и друг Колька отправились в лес набрать ягод. Мы знали одно хорошее место в логу, на склонах которого росла крупная, сочная земляника. В этом месте всегда росла трава, так как сюда на могли зайти коровы, которых пасли в покотине – было круто.

Мы стали ползать по крутому склону, раздвигая траву, ягод было достаточно много и мы быстро набрали свои кружки. У нас в селе землянику не считали за ягоду, так баловство для ребятшек, вроде нас с Колькой. Ее нельзя высушить на зиму, как другие ягоды, а варенья в то время не варили – не было сахара. Набрав ягод, мы отправились домой. Я не знаю как распорядился своими ягодами Колька, а я высыпал их в алюминиевую чашку для супа, потолок мутовкой и залил молоком.

У нас не было своей коровы, и молоко нам давали соседи, тетка Ульяна, у них не было своих детей и они иногда давали нам кринку молока. Я отломил краюху свежего хлеба, который лежал на столешнице кухни, под чистой тряпочкой и стал есть. Наверное для меня не было вкуснее ничего, чем лесная земляника с молоком и мягким хлебом. Я быстро управился со своей порцией. Половину ягод я оставил маме, которая придет вечером с работы. Конечно, она тоже немного поест земляники с молоком, но не всю, половину оставит для меня – так делает любая мама. Сейчас, в наше время, мы тоже едим землянику со сливками, может она на много вкусней той лесной, потому что садовая, но для меня вкус той, остался на всю жизнь, потому что мы ее собирали сами, эту солнечную ягоду.

63. Шмелиный мёд

«Колька, пошли мед добывать!» – крикнул я своему другу в окно. Колька сидел за столом и что-то делал, я не думаю, что он писал или еще хуже – читал. Колька обернулся к окну и мотнул головой, мол час выйду. Немного погодя мой друг появился и спросил: «Какой мед и где? – Пошли на татарнике шмелей бить, они на нем мед собирают!» И мы побежали за село, где между огородами и лесом рос татарник. Кто не знает татарник, объясню – это такое колючее растение с крупными махровыми цветами, как у астры. Цветы, в основном, двух цветов: бордово-красного и темно-сиреневого на высоком полметра колючем стволе, колючки большие и очень острые. В букет такие цветы не соберешь, хотя они имеют привлекательный вид. Вот на этом татарнике шмели и пчелы собирали нектар, видимо, он был хорошим медоносом. Сломав по тонкому прутику тальника, мы пришли на место сбора меда.

Погода была солнечной и теплой, шмели и пчелы, жужжа, перелетали с цветка на цветок. «Бей только шмелей, они больше, значит и меда у них больше», – со знанием дела сказал я, хотя сам этого ни разу не делал, а только слышал от ребят. Они рассказывали, что нужно ударить по шмелю и убить его, а внутри есть мешочек с медом, который нужно просто слизнуть. Я выбрал шмеля, который, как мне показалось, летал тяжелее других, а значит уже полный меда, замахнулся и ударил, но промахнулся. Колька стоял и смотрел, разинув рот, на мою охоту. Шмелю, видимо, не понравились мои действия – он с лету ударил Кольку прямо в голову. Колька от неожиданности сел на зад и истошно за орал: «Больноооо, ну его этот мед, я не хочууу!» Довод был резонным, я перепугался не меньше его, и тут же согласился с Колькой. Мне вовсе не хотелось получить вместо меда укус шмеля. Я подбежал к Кольке и посмотрел его голову, на ней красовалась огромная шишка. «Ничего себе, надо, наверное, водой помочить, тогда пройдет», – сказал я. Колька, бедный мой друг орал от боли не переставая, я не знал, что делать. «Надо к колодцу бежать, холодной водой намочить и пройдет», – уверенно сказал я, Колька, скуля от боли, поднялся, и мы побежали к колодцу. Зачерпнув ведром воды, я стал потихоньку лить ее на голову Кольки, видимо, ему стало легче и он перестал скулить. «Наелись меду, – весело ухмыльнулся я – долго не захотим», и мы побежали играть.

День был солнечным и теплым, шмели и пчелы с жужжанием кружили над татарником, собирая мед.

64. Рождество-2

Сегодня рождество, мы, школьники, конечно в бога не верили, но этот старинный праздник знали, как и Пасху. Утром я проснулся вместе с мамой, ей нужно было топить печь, стряпать хлеб и готовить нехитрую еду на день. С вечера мы с другом Колькой и другими ребятами договорились походить по деревне пославить. К этому празднику готовились все, особенно в зажиточных домах, у кого были коровы. Все знали, что пойдут славить утром дети, а вечером – ряженая молодежь, нужно будет чем-то откупаться.

Я вышел на улицу, на небе светила луна и мерцали звезды, словно подмигивали мне. Стояли рождественские морозы, дым из труб шел строго вверх, так как было тихо, казалось воздух тоже замерз и не хотел двигаться. В окнах домов, где были кухни, горел свет от керосиновых ламп и отблески пламени от горящих печей отражались на стеклах. Я зашел за Колькой, он уже сидел за столом и ел блины, которые его мать пекла в русской печи. Он оделся, и мы побежали на конец деревни, по пути позвали еще несколько друзей. Договорились заходить славить, только в хорошие дома, там больше и вкуснее готовят к празднику. Постучались в дом, хозяин которого работал трактористом. Они считались богатыми – у них была корова и много другой живности, значит и нам угощение будет хорошим. Мы гурьбой ввалились в избу и вразной стали славить. Молитву мы особо не знали, но, как нам казалось, проговорили хорошо и, перекрестившись, уставились на хозяев. Хозяин молча, с удивлением смотрел на нас, а потом рассмеялся и сказал жене: «Давай угощение мальчикам, хорошо пославили». Хозяйка подала нам по шаньге и сырчику. Сырчик, это такое лакомство из творога со сливками и с добавкой распаренной луговой клубники, скатанное в шарик, величиной с куриное яйцо и замороженное. Сейчас это называется мороженое. Мы довольные вышли из дома. Так мы прошли несколько домов, и везде нам что-то давали. Село было большим, в каждом краю славить ходили свои группы. Это было с утра, вечером же, ходила славить ряженая молодежь, у них, конечно, было все по-другому. В дом они заваливались с шутками и присказками, раскрашенные и одетые в вывернутые шубы, начинали плясать и требовали выкуп. У кого-то из ряженных, обязательно была испачкана сажей шапка и он лез целоваться с хозяевами, которые после этих поцелуев оставались чумазыми. Ряженных старались умаслить, не дай бог обидятся – утром можешь не найти на месте ворот, которые будут закинута на крышу сарая. Праздник проходил весело и сытно, хотя в бога не верили, а может верили, в душе и сердце.

65. По лужам босиком

Мы с другом Колькой сидели позади амбара и играли в ножички на песке. Ножички, это такая игра: нужно кинуть перочинный ножик с локтя, чтобы он острием воткнулся в песок, затем с плеча и так далее. Выигрывал тот, у кого больше раз воткнулся ножик. Солнце стояло в зените и было жарко даже в тени амбара.

Но наши уши уловили едва слышный гром, это как лист железа протащили по камням. Из-за поскотины со стороны кирпичного заводика напоззала черная туча, она быстро закрыла солнце и все небо. Сверкнула большая, вся в зигзагах молния и через мгновение раздался оглушительный треск прямо над нашими головами. Мы с Колькой испуганно прижались к стене амбара. Тут хлынул дождь, да такой сильный, что в десятке шагов ничего не было видно. Дождь был нужен, дождь ждали все и давно.

У нас с Колькой пропал страх, и мы выскочили из-под карниза амбара под дождь, струи воды были теплыми. Везде образовались большие лужи, и потекли ручьи, которые уносили всю грязь с улицы куда-то в овраг, а потом бурным потоком вливались в речку. Мы с восторгом бегали по лужам босиком, наши ноги летом не знали обуви. Мы вымокли до нитки, но не обращали внимания на мокрую одежду, нам было весело, мы были рады дождю.

Дождь закончился так же быстро, как и начался, туча понеслась дальше, в другое село, поливая по дороге поля и лес. Появилось солнце и на небе загорелась радуга, она была настолько яркой и красивой, что казалось, что на нее можно влезть и посидеть. От земли пошел пар, дождь охладил нагретую землю, все кругом зазеленело, он смыл всю пыль и напоил землю. Природа ожила, она была благодарна долгожданному дождю. Мы с Колькой сняли рубахи и штаны, отжали лишнюю воду и снова одели еще влажную одежду: досохнет на нас. Мы пошли по домам, подошло время обеда. Дома ждала горбушка хлеба, огурец и кринка молока.

66. Удар молнии

Мой друг Колька, я и еще двое друзей играли возле огромных дубов. Дубами мы называли огромные деревья – ивы. Дубы у нас не росли и мы их сроду в глаза не видели, но ивы почему-то называли дубами. Они росли на бывших усадьбах, которые давно были заброшены, так как это место было на берегу и каждую весну заливало водой во время весеннего паводка. За усадьбами сразу начинался крутой и высокий косогор, на котором была сельская улица. Здесь же внизу о бывших домах и огородах напоминали эти огромные, в три обхвата ивы. Сучья начинались на двухметровой высоте и росли густой шапкой. Вот на этих ивах мы играли с друзьями. У нас на сучьях был небольшой шалаш. Деревьев было три, два стояли рядом друг с другом, а третье дерево – чуть в стороне, ближе к косогору. Все было хорошо, как вдруг налетела гроза и начался ливень. Мы забились в свой шалаш, спасаясь от дождя. Сверкали молнии, гремел гром, не то чтобы рядом, но и не так далеко. Вдруг совсем рядом раздался оглушительный треск, как будто разорвали огромное полотно и все осветилось голубым светом. То дерево, которое стояло в стороне, вдруг вспыхнуло и, падая, развалилось вдоль посередке. Молния угодила в него и расколола пополам. Нас как ветром сдуло из шалаша на дерево, так мы перепугались этого грохота. Дождь быстро потушил горящее дерево. Гроза пронеслась мимо и мы подбежали к поваленному дереву, которое было расколото точно посередке, как огромным топором. После, когда все закончилось и прошло какое-то время, это поваленное дерево мы использовали как корабль. Мы отправлялись на нем в плаванье по морям и океанам. Этот корабль нам подарила молния, которая так нас перепугала.

67. Печёнки

В конце августа, когда до школьных занятий оставалась ещё неделя, мы с друзьями договорились сбегать за кирпичный заводик напечь картошки в костре. Печеную картошку мы называли печенками, так было проще и для нас понятнее. Картошку в огородах еще не выкопали, да мы и не собирались ее копать и тащить с собой, если ее было целое колхозное поле как раз там, куда мы побежали. С собой взяли только немного соли и по горбушке хлеба. Пришли на опушку березового леса, там, где подходило картофельное поле быстро руками нарыли картошки и у большого куста черемухи развели костер. Пока разгорались угли, мы лазили по кусту черемухи и лакомились спелыми ягодами, набивая полный рот, обсасывали мякоть, а потом сквозь сжатые губы, как шрапнелью, стреляли косточками. Когда нагорели угли, мы зарыли в них картофелины и сверху добавили хвороста. Через определенное время, мы вытащили одну для пробы, «Сыровата», – сказал мой друг Колька и мы продолжали лакомиться черемухой. Но вот печенки испеклись, и мы хворостиной все выкатили из кострища. Картошка была горячеей, а у нас не было терпения, чтобы подождать, когда она остынет. Мы хватали ее руками, перекачивая из одной в другую, нещадно дули, затем палочкой соскребали обожженную кожу до коричневого зажаренного цвета, разламывали пополам, солили и ели. Ели кому как нравится: кто вприкуску с хлебом, кто просто так. Наевшись до отвала, мы еще долго смеялись, показывая друг на друга, потому что наши рты и щеки были в саже. Потом, когда уже начинали копать картошку в огородах, всегда пекли печенки не в костре, а в бане на каменке. Нас, школьников, всегда ненадолго водили собирать колхозную картошку после уроков, часа на два. После чего мы всегда пекли печенки в поскотине. Это было хорошее время и мы с удовольствием это делали. Мы ждали, когда созреет картошка, мы любили печь и есть печенки.

68. Жвака

Мы с другом Колькой сидели на куче песка и играли в ножички. Колькин отец собрался ремонтировать русскую печь в доме и для этого привез телегу песка и глины. Солнце палило нещадно, играть нам надоело, да и было жарко. Мы побежали к речке, чтобы искупнуться у старого моста, где весной была вымыта яма при паводке водоворотом. Накупавшись вдоволь, мы растянулись на песке среди старых свай.

Это были даже не сваи, а пеньки от них. Мост этот был построен еще до революции и сколько он прослужил, мы не знали. Когда его убирали, нас еще не было на свете. Судя по количеству пней от свай, это был большой и крепко сделанный мост. «Пойдем к бабушке Марфе, выпросим у нее жваку» – предложил Колька. «Не даст она за так, только за деньги или за яичко» – ответил я. Но нам сильно захотелось жваки и мы побежали домой, искать по яичку. Это было не трудно: куры в селе были у всех, также и в наших дворах.

Жвака, это смола, вытопленная из бересты березы. Она была темно коричневого цвета, мягкой и приятной на вкус. Проще говоря – это жевательная резинка по-современному, но жвака не теряла вкуса и чем дольше ее жуешь, тем эластичней она становилась. Варить эту самую жваку умела только бабушка Марфа, которая жила в домике на угоре. Под сараем, где на ночь собирались куры на насест, а днем неслись, в углу в старой корзине приспособленной под гнездо, я взял одно яйцо. Колька тоже нашел и мы побежали к бабушке Марфе, которая сунула нам по комочку смолы, взамен на яички. Мы тут же сунули жваку себе в рот, и с удовольствием стали ее разжёвывать до такой степени, пока она не стала издавать легкие, приятные щелчки, когда из массы вытаскиваешь зубы. Жвака никогда не липла к зубам и чистила их отменно. Вот такая у нас была жвака, по современному – жвачка.

69. Пучки

Июль, солнце еще не так жарко нагрело воздух и землю. Я сидел на пороге сеней и очищал от коры тонкую, в палец толщиной, ветку. Из ветки должна получиться хорошая шпага, а как же без нее на улице, ну просто никак. Колька пришел как раз вовремя, ветку я очистил, обрезал по длине и был свободен. «Пошли по пУчки, там ребята собрались в дальний колок сбегать!» – «Пошли!» – согласился я и почесал босые ноги, которые вымыл вчера в бане. Обuvi летом мы не носили.

Пучки, это молодой борщевик, толстые стебли которых пустотелые, мы ими лакомились, очищая от кожицы. На вкус они были приятными и нежными, похрустывали на зубах.

Мы присоединились к своим друзьям и неспешно побежали. Мы, ребятня, редко когда ходили шагом, мы все время куда-то спешили, как будто знали, что детство недолговечно и быстро закончится. До дальнего колка было километра два-три. Колок – это небольшая площадь березового и осинового леса, окруженная полями.

Там не пасли скотину и не вытаптывали траву, потому там росли целые заросли борщевика. Шли мы по полевой дороге, пролежавшей между посевами пшеницы, которая уже набирала колос. Пшеница росла густой и ровной. От легкого теплого ветерка поле ходило волнами, словно море. По обочине росли ромашки и лопухи, которым мы на ходу срубали головки своими шпагами. В лесу было прохладно. Мы стали лакомиться пучками, росшими тут во множестве, срезая стебли складными ножичками. Ножики были у всех мальчишек.

Борщевик еще не перерос и приятно хрустел. Конечно в лесу нас донимали пауты, которых в это время было много, но кто на них обращал внимание, если тут такое вкусное лакомство! Когда борщевик созревал, и стебли становились грубыми и твердыми, мы использовали трубки стеблей как духовые ружья, стреляя из них косточками черемухи или боярки. Наевшись и нарезав пучек с собой, мы отправились домой. Подошло время идти на речку купаться, при этом заскочить домой и прихватить горбушку хлеба. День проходил не зря, с пользой для здоровья.

70. Пенки

Я сидел на широкой лавке за столом и слушал радио. Радио в селе провели совсем недавно и было оно нам еще в диковинку. Это был большой круглый, похожий на подсолнух, круг, только черный. В окно я увидел, что ко мне бежит Колька, который зашел в дом и сел у двери. «Что делаешь?» – спросил он. «Что не видишь, радио слушаю!» – ответил я. Мне хотелось дослушать про «Бонивура», был такой герой в гражданскую войну, на Дальнем Востоке. «Пошли сок сочить и пенки есть, отец бревна привез из леса.» – предложил Колька. «Да, сок и пенки это лучше. Про „Бонивура“ и завтра послушаю,» – подумал я и вылез из-за стола.

Отец Кольки решил срубить новый сруб для баньки, своей у них не было, мылись у соседей. Бревна были осиновыми и несколько березовых тонкомеров на стропила. Бревна не очень толстые и их нужно было шкурить, то есть освободить от коры. Вот этим делом мы и занялись. Осину шкурить было легко, только делаешь надрез коры складным ножом и лентой отрываешь от ствола. Под корой, был тонкий слой сочной, вкусной пленки. Такого слоя нет больше ни у какого дерева, слой – то есть, но не такой сочный и вкусный как у осины. Вот этот слой мы и сочили ножиком, то есть соскребали и в рот. Это было блаженством, когда ешь эту вкуснятину, то думаешь, что нет ничего вкуснее на свете. У березы тоже было чем полакомиться, особенно у молодых деревьев с молодой корой. У березы снимаешь бересту, а под ней тонкий слой коры, который берешь и сгибаешь кусочек, с краю и тянешь вниз, от коры отделяется тонкая пленка – пенка, которую тоже ели. Вот таким манером, мы за пару дней ошкурили бревна для баньки. Работа было полезной и вкусной, да еще Колькин отец за работу купил нам кулек красных, обливных пряников и кулек конфет подушечек. Такое удовольствие мы получали не каждый день. Говорят, слаще морковки нет ничего, есть, это осиновый сок и березовые пенки.

71. Угоры

Я сидел за столом, где только что делал уроки. Потом решил сходить к другу Кольке, он, наверное, тоже их уже сделал. Я оделся, так как была зима, и побежал к другу. «Пойдем на угор к конторе, покатаемся на санках,» – предложил я. Колька, конечно, отказать не мог, так как знал, что на угоре кататься весело. Угоры, это холмы, на которых расположилось наше село. Вот с них мы и катались. Самым любимым был угор у конторы, с него катались на санках и на нем всегда было много детворы. Санки были разные: у кого-то простенькие, сколоченные из брусков, у кого-то вязаные. Вязаные, это произведение столярного искусства, такие делали для упряжки лошадей, только маленьких размеров.

Делали их без единого гвоздя или болта – их вязали. На такие санки садились двое или трое и с визгом неслись с угора до самых ворот конторы. Детворы было столько, что при спуске сталкивались санками и со смехом падали.

Вот мы и пошли с Колькой на этот угор. У него были старенькие, но еще крепкие вязаные санки, на которых мы катались вдвоем. У меня санок не было. Катались до самого вечера, пока не стало темнеть. Домой я пришел весь в снегу, намерзшим на одежду и валенки. В избе топилась железная печка. Кроме печи, у нас была еще и железная, топили ее вечером. Я скинул одежду и повесил ее сушиться. Взял большую картошину и ножик, нарезал тонкие пластики, положил на раскаленную печку поджариться, при этом переворачивал их. Картофельные пластики поджаривались до хрустящей корочки и были очень вкусные. Так, сидя на голбчике у печки, я уплетал эти, как сейчас говорят, чипсы. На улице зима и мороз, а мне тепло и уютно дома, у горячей печки.

72. Ключик

Август стоял теплым, погода была сухая. Небо было голубым, и солнце уже не пекло так как в июле. В лесу поспевал урожай, и мы каждый день бегали в лес. Так и сегодня мы с другом Колькой и ребятами договорились сходить к ключику за костянкой. Я взял туюсок, сделанный из бересты. Откуда он у нас взялся, я не знал, да и не задавался таким вопросом. Колька меня ждал и я побежал за ним. По пути к нам присоединились еще двое друзей, и мы все пошли за поскотину через поле к ключику.

Ключик был огорожен небольшим срубом, на котором всегда была кружка для тех, кто сюда приходил и мог попить холодной воды. Вокруг ключика был лес, в котором росла костянка. В это время ягода уже созревала и ее можно было собирать. Костянки было много и мы быстро набрали свои туюски и бидончики. Костянка была кислой и ее на зиму не заготавливали, съедали свежей, потому и не набирали помногу. Набрав ягод, мы посидели возле ключика. Съели по горбушке хлеба, запивая ключевой водой и отправились домой. Поле, через которое мы шли, было засеяно пшеницей и ее убирал комбайн. Нам было интересно посмотреть, как трактор тащил комбайн, который казался таким огромным. Посмотрев, мы отправились дальше домой, где нас ждали дела, которые нам никто не отменял. В селе всегда найдется работа для всех, даже для нас.

73. На току

Был конец августа, на полях созрели хлеба. Во всю шла страда: убирали урожай зерновых, в основном пшеницу. Рожь убрали раньше, так как она была озимой и созревала раньше. Обмолоченное зерно свозили на тока, их было несколько в колхозе. Ток – это большая, утрамбованная площадка, на которую свозили зерно от комбайна или молотилки.

Мы с другом Колькой пошли на один из токов недалеко от села в надежде прокатиться на машине, которых в колхозе было две. На току во всю кипела работа, зерно провеивали и подсушивали, чтобы потом на машинах везти на элеватор. Вот мы и надеялись, что нам повезет прокатиться в кузове на зерне до элеватора. Машин на току не было, и мы с Колькой забрались на ворох пшеницы и стали выискивать горошины, которые попадались в пшенице. Горошины были спелые, не пересохшие, и мы с удовольствием их съедали. Ждать пришлось недолго, подъехал газон. За рулем был дядя Миша, которого мы считали своим другом, несмотря на большую разницу в возрасте. Он всегда нам разрешал прокатиться, то на элеватор, то в лес за дровами. На току машину быстро нагрузили зерном, и мы залезли на верх. В то далекое время это разрешалось, так как не было инспекторов на дорогах. До элеватора было двадцать пять километров по грунтовой дороге, тогда асфальт был только в больших городах. Машина катила быстро, и нас приятно обдувал теплый встречный ветер. Лежать на зерне было мягко и хорошо. Когда приехали на элеватор, у нас взяли зерно на анализ – на влажность и чистоту. Взвесив машину на больших автомобильных весах, поехали разгружаться. Открыв боковой, длинный борт, помогли разгрузить машину плицами и поехали обратно на ток. Так мы катались до самого вечера, помогая нагружать и разгружать машину.

74. Дядя Боря

Стояли крещенские морозы. Было воскресенье. Я сидел дома у печки, нарезал картофелину пластиком и жарил их на железном вершуре печки. Светило солнце, но мороз все равно щипал уши и нос. В клубах пара в дом зашел мой друг Колька, с румянцем на все щеки. «Пойдем ко клубу, там дядя Боря на своей трещотке проехал, может даст афиши расклеить». Дядя Боря это наш киномеханик, он был инвалид войны. У него не было одной ноги, он ездил на трехколесной мотоколяске, которая трещала на всю улицу. Дядя Боря давал нам, ребятам, задание – расклеивать афиши, за это нас бесплатно пускал смотреть кино. Я угостил друга картофельными печенками, которые были поджаристыми и вкусно хрустели на зубах. После этого я оделся и мы побежали к клубу с надеждой, что нас не опередили другие ребята. У кинобудки клуба стояла мотоколяска, но ребят не было видно, значит мы первые. Поднявшись по лестнице кинобудки, я просунул голову в дверь и, не заходя, уставился на киномеханика. Дядя Боря молча сунул мне афиши, которые были написаны от руки акварелью, и я, с радостью шмыгнув носом, кубарем скатился вниз. Колька тоже взвизгнул от радости, такое нам перепало не каждый день, конкуренция была жесткой – кто не успел, тот опоздал. Так нам нужно было расклеить две афиши, одну у конторы колхоза на воротах, другую на той стороне речки, на заборе конного двора. Дяде Боре было все равно, как мы прилепим афиши, хоть на кнопки, хоть на жеваный хлеб. Если были старые кнопки, то мы их вытаскивали и использовали еще раз, если нет, то что-нибудь придумывали. Сейчас была зима и проблемы, как прикрепить афиши, не было, поплевав на углы афиши, лепили ее к доскам и она намертво примерзала. Так мы и сделали, быстро управившись с этим заданием, пошли на угор, покататься на санках. До детского сеанса еще было время. Сегодня мы с другом Колькой, бесплатно идем в кино, мы были счастливы – день был удачным, хоть и морозным.

75. Родное... до боли

Было воскресенье, погода в сентябре стояла солнечная и теплая. Я рубил дрова. Дрова привезли из леса на лошади. Ко мне пришел мой друг Колька и предложил сбегать за ягодами боярки. Мы знали все кусты боярышника, которые росли в округе. В это время ягоды созрели и были в самый раз для сбора. Ягоды боярышника были разные по цвету: одни были бордово-красные, другие – желтые. По вкусу они мало чем отличались, но все-таки различие было – желтые, нам казалось, вкуснее и мясистее. Я сразу согласился – дров я уже на завтра нарубил, да мне и не очень нравилась эта работа, но маму послушаться я не мог. И это была моя обязанность.

Решили идти за бояркой к вышке геодезистов, которая была в трех километрах от села. Там ягоды были желтые и крупные. Взяв по небольшой корзинке и горбушке хлеба, мы с Колькой отправились к заветному кусту. Можно было идти по дороге, но это дальше, и мы пошли напрямки по березовому лесу. Места нам были знакомы, наверное, с самых яслей, и заблудиться мы не могли. Путь до вышки у нас много времени не занял, так как мы, ребяташки, редко ходили шагом, а тут и вовсе с пустыми корзинками добежали быстро.

Куст боярышника стоял на своем месте и был весь усыпан гроздьями крупных ягод, значит мы были первыми. Как известно, боярышник очень колючий, у него длинные и острые шипы, но мы их не боялись. Наши подошвы и не такое видели. Мы были босыми. Кто же из деревенских мальчишек в такое тепло носит обувь? Эта роскошь только для городских. Да она нам бы просто мешала. Мы быстро набрали свои корзинки, также не забывая класть по горсти ягод в рот. Обсасывали мякоть, а косточки выпускали сжатыми губами как пули.

Управившись с этим делом, мы подошли к вышке, которая стояла недалеко от куста. Вышка это такое сооружение из бревен, похожа на буровую, только намного выше, наверх вела лестница, от пролета к пролету. На самом верху был знак геодезистов и площадка с перилами. Поставив корзинки с ягодами на землю, мы с Колькой решили залезть на самый верх. Этого мы никогда не делали, потому что было боязно, высота-то уж больно большая, но тут решились. И мы полезли от перехода к переходу. Мы оказались на самом верху, на маленькой площадке. Нам открылся изумительный вид, вид, который мы не видели ни разу в жизни, даже с колокольни нашей церкви. Внизу был лес такой яркой раскраски, и далеко, до самого горизонта, были видны поля с небольшими колками леса и колокольня нашей красавицы-церкви. Также была видна макушка церкви соседнего села. Все это было знакомо до боли, но с такой высоты виделось по-новому, по-другому, все намного красивее. Воздух в сентябре был настолько чистым и прозрачным, что, казалось, звенел. Мы с Колькой стояли, разинув рты от изумления. Мы потеряли дар речи. Наконец Колька тихо произнес: «Надо же, как далеко все видно». Ни он ни я не сказали, что это красиво, мы наверное этого еще не знали как выразить, но это осталось в сердце и в памяти на всю жизнь. Это все родное... до боли.

76. Суслики

Я вышел на улицу, покрутил головой по сторонам и увидел своего друга Кольку. Он сидел на завалинке дома и от нечего делать что-то строгал перочинным ножиком. Я подошел, сел рядом и стал наблюдать за работой моего друга. В дорожной пыли купались куры, они смешно топорились крыльями, стараясь как можно больше зацепить пыли, потом встряхивались. Это они так избавлялись от паразитов. Огромный петух тоже был тут, он что-то искал, разгребая землю когтями. Петух был красив: у него было яркое, разноцветное оперение, у кур же оперение было намного скромней. Вот он громко завохтал, это значит он что-то нашел съестное и призывал своих подруг отведать. Куры сразу бросили свои занятия и бросились к петуху, но увы, это что-то досталось только одной.

Нам надоело так сидеть. Интересного ничего не было, эту картину мы видели каждый день. «Пошли к красному берегу сусликов выливать», – предложил я Кольке, – «там и вода близко в речке». Колька не долго думая согласился, все-таки какое-то разнообразие. Мы взяли старое ведро и отправились к красному берегу. Красным называли крутой высокий берег из красной глины, он обрывом подходил к самой реке. От берега до леса была большая поляна, которую облюбовали суслики. Суслики тут жили всегда и когда на подводе проезжали на мельницу, то они столбиком стояли возле нор и своим свистом как бы приветствовали проезжающих. Мы часто прибегали сюда, чтобы вылить из норы зверька, что крайне редко удавалось. Дело даже не в том, что нам нужны были эти зверьки, нам было просто интересно.

Мы пришли на место. С одной стороны крутой берег плавно переходил в низинку и набрать ведро воды было не сложно. Выбрали норку со свежим бугорком земли, значит нора жилая. Вылили ведро в нору и быстро сбегали за вторым, норка заполнилась и вода стояла на месте. Мы стояли и ждали, когда же зверек выскочит из норы, но его не было. «Захлебнулся», – сказал Колька, – «раз не выпазит». Вдруг мы услышали позади свист, обернулись, суслик стоял столбиком и насмешливо посвистывал. Мы опешили от такой наглости зверька и решили туда тоже залить воды. Но все было тщетно, у сусликов очень длинные подземные ходы, со множеством выходов и зверька сложно вылить водой, таская ее ведром из речки. Наша охота на сусликов не удалась, но мы и не расстраивались, главное что мы нашли занятие, хоть и не очень благородное. Были случаи, когда суслику деться было некуда и он выскакивал из залитой водой норы, но его еще нужно было поймать. Это тоже было редко, зверек всегда успевал юркнуть в один из многочисленных отнорков, которые он знал, он же не бежал куда попало, а именно туда, куда надо. Суслики в таких местах вреда большого не приносили, только иногда, какая-то корова могла сломать ногу, попадая в норку ногой, но это случалось крайне редко.

Так мы пытались вылить суслика, пока не захотелось есть. Прихватив старое ведро, мы побежали домой, солнце уже перевалило зенит, самое время подошло поесть.

77. Березовка

Весна, только что сошел снег и отшумели ручьи. По деревьям пошла живительная влага, нужная для роста листьев. В это время, мы ребяташки, лакомились березовкой. Так мы называли сладкий березовый сок, и его было много. Мы договорились с моим другом Колькой после уроков сбежать на поскотину и попить березовки. Взяв небольшой топорик и выбрав по дороге трубочки из сухой высокой травы, мы отправились в березняки поскотины. Выбрав по хорошей березе, делали топориком небольшую насечку, вставляли в нее трубочку. По ней тонкой струйкой потек сок. Можно было что-то подставить и подождать пока наберется сок и потом выпить, но у нас не хватало терпения и мы сразу брали трубку в рот и пили маленькими глотками. Можно было сделать топором лунку побольше и потом пить из нее, но этого мы делать не умели. В лесу попадались такие деревья, на которых когда-то были вырублены такие лунки. Они были старые и смотрелись как не ровно заросшие шрамы, видимо, таким образом деревья старались залечить свое тело. Можно было сбежать на делянку, где рубили дрова на зиму селяне, и там напиться березовки вволю из больших лунок, вырубленных в свежих березовых пнях. Но это было далеко. Так сбежав в лес, полакомившись березовкой, мы вернулись домой – нужно было садиться за уроки, чтобы не схлопотать завтра в школе пару. Эх, если бы не в школу...

78. Стрижи

Я и мой друг Колька рыбачили у Красного берега. Красный – это один берег нашей реки. Он из красной глины, отвесный и высокий, тут же был единственный перекаат. Перед перекаатом была заводь с кувшинками. Вот в этой заводи мы и удили пескарей. Отвесная стена берега была вся изрыта норами – это сделали стрижи, они здесь гнездились и выводили потомство. Стрижи были красивые: с длинными раздвоенными хвостами и с белой манишкой. Они стремительны в полете и завораживали наши взгляды. Говорят, стрижи никогда не садятся на землю, потому что они не смогут с нее подняться из-за длины своих крыльев. Наверное, поэтому стрижи всегда гнездятся на обрывах. Питаются стрижи исключительно летающими насекомыми – от них невозможно ускользнуть, настолько они стремительны в полете. Мы с Колькой не столько следили за поплавками, сколько смотрели на стрижей, которые ловко взлетали и прилетали, каждый к своей норке, к своему гнезду, в котором, наверное, были птенцы. «Смотри-смотри», – закричал Колька, показывая рукой в сторону обрыва, – «там кто-то ползет, наверное, это змея». Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Колька и увидел змею, медленно ползущую по трещине в глинистом обрыве. Нам было не видно, что это за змея – то ли гадюка, то ли уж. Конечно, змея ползла не просто так – она хотела плотно пообедать птенцами стрижей и занять нору. Стрижи тоже заметили ползущую змею и стали стремительно летать вокруг этого места, пытаясь скинуть змею с обрыва. Мы тоже начали бросать гальку и комки глины, пытаясь попасть в нее. Змея затаилась, но ненадолго, она почти доползла до цели и вот-вот скроется в норке, тут ее и достиг очередной ком глины – змея сорвалась и полетела вниз. Упав на землю, она поползла к воде и поплыла на другую сторону речки. В азарте мы старались попасть в нее, но так и не смогли, змея скрылась в камышах, росших на той стороне. Стрижи успокоились и стали продолжать свои полеты, на лету хватая клювиками все, что летает над заводью, им нужно было кормить свой орущий выводок.

День подходил к концу, мы с другом Колькой смотали удочки и пошли домой, у нас на куканах болтались по паре десятков пескарей и чебаков. Хорошее место у Красного берега, у переката, перед которым в заводи росли белые кувшинки. Красота, которую мы просто не замечали, потому как видели это всегда, мы привыкли к этому.

79. Большие деньги

Еще с вечера, мы с моим другом, Колькой, договорились сбежать за село к мельнице, за лыком. У мельницы, на левом берегу речки, были заросли тальника, и ивняка, с которого мы драли кору на лыко. Кору связывали в пачки и, когда она высыхала под сараем, сдавали в заготовительный пункт за плату. Так как нам, мальчишкам, денег взять было больше неоткуда, мы ходили, и драли кору ивняка. Утром я зашел за Колькой, и мы, прихватив по горбушке хлеба, отправились добывать деньги. Ивняк рос и в других местах, ближе к селу, но у мельницы стволы были толстыми, и кора хорошо отходила от ствола целыми лентами. Работа у нас спорилась, так как мы этим занимались, не первый раз. Надрав, и навязав десяток хороших вязанок, мы погрузили их на прихваченную, из дома, двухколесную тележку, и отправились домой. О тележке, надо написать, чуть больше. Такие тележки, были во многих дворах села. Они представляли собой небольшую площадку, расположенную, на двух железных колесах, примерно таких, как у велосипеда, с двумя палками-ручками, в которые впрягаешься, и везешь ее. На этих тележках можно перевозить разную кладь, в общем, в хозяйстве нужная вещь. Мы с Колькой привезли свою поклажу, и сложили сушиться: сырую не принимали. Летом кора сохла быстро, и через неделю мы ее, опять сложили на тележку, и повезли сдавать. Приемный пункт был в центре села, у магазина. Магазин располагался в старинном каменном доме, построенном еще до революции, для торговли. Магазин, тут был всегда, и, рядом, был построен такой же, каменный склад. Вот, в этом складе принимали кору, и высушенную траву стародубку. Высушенная кора, потянула на двадцать килограмм, а это на двадцать рублей: каждому по десятке! Таких денег у нас бывало редко, для чего, надо было хорошо потрудиться. Кора была самым прибыльным занятием, этим занимались почти все ребята, и склад, всегда, был забит доверху корой, аккуратно связанной в вязанки. У нас в руках было целое состояние, и, держа в руках эти рубли, мы думали, как еще можно заработать деньги. Стояло лето, возможностей было много: скоро пойдут грузди, которые, тоже, можно собирать в лесу, и сдавать, и вырастет стародубка. Деньги, заработанные на коре, я отдал маме, оставив себе один рубль, на ириски золотой ключик, которые я очень любил.

80. На мельницу

Ближе к вечеру ко мне прибежал мой друг Колька. «Иванко, тятя собрался на мельницу, поедем?» Меня не нужно было уговаривать, я мотнул головой и сказал «час, только у мамы спрошу» Мама узнав что дядя Саша едет на мельницу, попросила его смолоть и нам мешок зерна. На мельницу мы любили ездить, там было интересно и таинственно. Наше село стоит на небольшой речке Тече. В ней мы летом купались, она хотя и была небольшой, но были и глубокие места. В речке водились пескари и чебаки, крупной рыбы почему-то не было. Ловили мы эту мелкоту пол-литровыми стеклянными банками, горловину банки закрывали тряпчочкой, с небольшой дыркой посередке. Вовнутрь клали немного хлеба и опускали ее в воду. Пескарей набивалось полная банка, и так несколько заходов и на ушицу... или жереху налавливали. Правда мама ворчала чистить такую мелочь было муторно, но зато было вкусно.

В паре километров вниз по течению стояла водяная мельница и была запруда, которую каждый год ремонтировали после паводка. Мельница была поставлена еще до революции и сработана на совесть. Водяное колесо крутила вода, падая на лопасти, колесо вращало жернова. Над жерновами стоял деревянный бункер, в который засыпали зерно, а внизу стоял ларь, куда сыпалась мука. Всем этим хозяйством управлял мельник с помощником. Возле мельницы стоял небольшой домик с нарами и небольшой кирпичной печкой. Домик был сделан для помольцев, чтобы было где дожидаться своей очереди на помол. В то время хлеб пекли в деревнях сами и мука была в каждом доме. Когда мы приехали на мельницу, там уже были несколько мужиков помольцев, из соседнего села, у них своей мельницы не было, так как не было и речки. Отец Кольки распряг лошадь и кинул ей охапку свежескошенной травы. Мы с Колькой побежали к плотине на шлюз, по которому текла вода, на огромное водяное колесо. Вода с шумом падала на лопасти и вращала колесо, от которого шел толстый деревянный вал, куда-то в нутро мельницы. Сквозь щели настила, в воде шлюза, было видно стайки пескарей, которые весело выискивали что то съестное. Посмотрев на колесо и на пескарей, мы побежали в домик, в котором сидели мужики и нещадно дымили самосадом. Мы с Колькой, залезли на нары и стали слушать рассказы бывалых фронтовиков. Так под тихий говор, мы с Колькой заснули. Разбудил нас отец Кольки, он смолот и нужно было ехать домой.

Вскоре водяное колесо сломалось и вращать жернова стали колесным трактором, у которого сбоку был шкив, на который одевали широкий и толстый брезентовый ремень. Плотину на речке, смыло очередным паводком. В селе появилось электричество и построили новую мельницу, прямо на окраине села.

Старая мельница на речке стала не нужна. Она долго стояла на берегу, с домиком для помольцев, словно ждала, что вот приедут мужики и снова закрутятся жернова выдавая муку для такого вкусного деревенского хлеба.

Закрылась еще одна колоритная страница истории сельского уклада. Страница, которую не откроют наши потомки.

81. Пучки

Июль, солнце еще не так жарко нагрело воздух и землю. Я сидел на пороге сеней и очищал от коры тонкую, в палец толщиной, ветку. Из ветки должна получиться хорошая шпага, а как же без нее на улице, ну просто никак. Колька пришел как раз во время, ветку я очистил, обрезал по длине и был свободен. «Пошли по пУчки, там ребята собрались в дальний колок сбегать!» – «Пошли!» – согласился я и почесал босые ноги, которые вымыл вчера в бане. Обuvi летом мы не носили. Пучки, это молодой борщевик, толстые стебли которых пустотелые, мы ими лакомимся, очищая от кожицы. На вкус они были приятными и нежными, похрустывали на зубах.

Мы присоединились к своим друзьям и неспешно побежали. Мы, ребятня, редко когда ходили шагом, мы все время куда-то спешили, как будто знали, что детство недолговечно и быстро закончится. До дальнего колка было километра два-три. Колок – это небольшая площадь березового и осинового леса, окруженная полями. Там не пасли скотину и не вытапывали траву, потому там росли целые заросли борщевика. Шли мы по полевой дороге, пролегавшей между посевами пшеницы, которая уже набирала колос. Пшеница росла густой и ровной. От легкого теплого ветерка поле ходило волнами, словно море. По обочине росли ромашки и лопухи, которым мы на ходу срубали головки своими шпагами. В лесу было прохладно. Мы стали лакомиться пучками, росшими тут во множестве, срезая стебли складными ножичками. Ножики были у всех мальчишек. Борщевик еще не перерос и приятно хрустел. Конечно в лесу нас донимали паузы, которых в это время было много, но кто на них обращал внимание, если тут такое вкусное лакомство! Когда борщевик созревал, и стебли становились грубыми и твердыми, мы использовали трубки стеблей как духовые ружья, стреляя из них косточками черемухи или боярки. Наевшись и нарезав пучек с собой, мы отправились домой. Подошло время идти на речку купаться, при этом заскочить домой и прихватить горбушку хлеба. День проходил не зря, с пользой для здоровья.

82. Обычный день сентября

Я прибежал из школы, поел, сел за уроки. С уроками шибко не заморачивался, так как на дворе стояла теплая солнечная погода, и сидеть в избе не хотелось. Да к тому же мне нужно было сбегать в поле – отнести маме воды. Была уборка урожая, пшеница в полях нынче уродилась хорошая. Комбайном убирать не успевали и часть жали серпами, потом свозили снопы к молотилке. Я налил бидончик холодной воды, плотно закрыл крышкой и побежал в поле. По пути заскочил к своему другу Кольке. «Колька, пойдем унесем маме воду в поле, заодно поедем вишенья в колке и черемухи». Колька обрадовано мотнул головой и сказал: «Пошли, час ягоды сладкие, наедемся». Мы побежали, по пути срубая головы лопухам, росшим на обочине полевой дороги, тонкими прутками, заменявшими нам шпаги. За березовым лесом нашим глазам открылось поле, на котором стояли ряды сжатых снопов, собранных в сулоны. В конце поля виднелись платки на головах жниц. Там же была и моя мама. Мы с Колькой бежали по сжатому полю, по стерне босиком, наши ноги не чувствовали никаких колючек, они были привычны. Мама, увидав нас, стояла и махала рукой. Мы подошли к ней, и я подал бидончик с водой. К нам подошли и остальные жницы. Они с удовольствием попили прохладной воды и похвалили нас с другом. Вода у них была в молочном бидоне, но она за день нагрелась и была теплой.

Забрав пустой бидончик, мы побежали в колок, где росли кустики вишни и на опушке стоял большой куст черемухи. Ягоды вишни были бордовыми и сладкими. Мы стали набирать бидончик, не забывая кидать лучшие ягоды в рот. Вдвоем мы быстро набрали посудину и пошли лакомиться черемухой. Черемуха была черной и висела гроздьями. Только начали лакомиться сладкой черемухой, как за снопами приехали подводы. Мы с другом, конечно, не удержались и побежали к ним, по пути отдав бидончик с вишней маме. Мужики стали укладывать снопы на телеги и, нагрузив, разрешили нам прокатиться прямо на возу. Взобравшись на воза – я на один, Колька – на другой, мы потихоньку поехали к молотилке, которая стояла на соседнем поле.

Сидя на верху воза было видно куда дальше, все казалось таким красивым и по сентябрьски ярким: желтая стерня поля с домиками сулонов снопов, начинающие желтеть березы и красные листья каких-то кустов. Все это это было таким красивым! Мы с восхищением смотрели на этот мир природы и как будто видели всю эту красоту впервые. Подъехали к молотилке. Мужики, свалив снопы, отправились за следующими возами.

Мы с другом остались посмотреть на это чудо – как это из соломы с колосьями получается зерно и солома. Один работник брал сноп, развязывал перевязь и совал его куда-то вовнутрь. Там что-то натужно гремело, шумело и сзади вылетала солома. Сбоку на площадке стоял другой работник и подставлял мешок под желоб, по которому струйкой текло зерно. К молотилке подъехала подвода, запряженная парой лошадей. В нее быстро пересыпали зерно из мешков. Возница был нашим соседом и разрешил нам прокатиться с ним до склада, куда он свозил зерно. Так мы после школьных уроков провели время. Вскоре с поля пришла мама и стала готовить на таганочке ужин.

Назавтра мы с другом Колькой договорились сбегать на опушку леса и напечь печенок – картошка уже созрела и ее начали копать.

83. На угоре

После обеда, когда все уроки были сделаны, я вылез из-за стола, быстро оделся и вышел на улицу. Солнце давно перевалило на другую половину неба, и чуть похолодало. Я посмотрел по сторонам, думая куда бы пойти. Выбор был один: зайти к другу Кольке и с ним решить этот вопрос. Подойдя к Колькиному дому, я увидел своих друзей одноклассников катавшихся на конторском угоре. Вопрос куда пойти решился сам по себе – пойдём на угор. Я зашел к другу, который тоже собирался на улицу. «Пойдем на угор кататься», – предложил я Кольке. «Пошли, я тоже туда хотел идти», – согласился он, и мы вышли на улицу. У меня не было санок, зато у друга были хорошие, большие вязанные санки, на которых могло запросто поместиться три человека.

Конторский угор был напротив колхозного правления. Это был каменный дом из красного кирпича и цветными карнизами. С обеих сторон дома были ворота и каменные склады. Вот поэтому и назывался угор конторским, потому что был через дорогу. Ребягня с визгом и смехом катались с угор до самых ворот конторы, затем быстро забирались обратно, со смехом уворачиваясь от несущихся навстречу санок. Мы влились в эту веселую краснощекую компанию. В начале улицы показался трактор, тащивший на больших тракторных санях огромный воз соломы. Это колхозники везли солому с поля на ферму. Мы всей гурьбой бросились навстречу. Сзади саней из-под соломы всегда торчали подкладки толстых жердей. Мы умудрялись садиться на них, или прицепить санки и так ехали до самой фермы. Там трактор отцеплял сани и сваливал солому. Одно бревно подкладывали под низ воза, другое упирало одним концом в бревно, а другим в прицеп трактора, который включал заднюю скорость и аккуратно сталкивал солому с саней. Солому возили каждый день и мы всегда ждали когда ее повезут, чтобы прокатиться таким необычным способом. Таких возов на ферме навозили много, и мы с удовольствием кувыркались в соломе, делали норы и играли в прядки.

Зимний день заканчивается рано, пришла пора идти по домам. Мы с Колькой, прихватив санки, побежали домой сушить обледеневшие валенки и рукавички. Завтра будет новый день и будут новые игры. Может пойдём на школьные угоры и будем играть там в пятнашки на лыжах, скатываясь с одного угора на другой, это тоже весело. Так проходят зимние дни, придет весна, появятся первые проталины и будут новые игры.

84. Веники

Я сидел под крышей сарая на чурке и рубил ветки для таганки. Такое задание мне дала мама, когда уходила на работу. Каждый вечер она варила похлебку на таганке, стоявшей на шестке печи. В приоткрытую калитку просунул голову мой друг Колька и, повертев головой, подошел ко мне. «Чё делаешь?» – спросил он, – «а ты чё – не видишь?» – ответил я. Дальше разговор зашел в тупик. Я рубил короткие ветки, Колька стоял и чесал ногу об ногу. Ноги были на удивление чистыми. «Ты чё, в баню ходил?» – спросил я, – «нет, а чё?» – «Да ноги чистые». Ноги мы мыли только когда ходили в баню, если учесть, что мы летом сроду не носили обуви, воду они видели только когда пройдет дождь. «Да мамка вчера вымыть заставила. Я ногу наколол, смазать надо было», – виновато ответил Колька. Меня ответ друга вполне удовлетворил и я, воткнув топор в чурку, сказал: «Пошли веники ломать на делянке, туда седни бригада пошла заготавливать веники. Может мы заработаем?»

Веники колхоз заготавливал для овец на зиму. Они любили обгрызать кору с веток и сухие листья. Делянка была в сторону Каменнухи, там вырубали березовый лес, который увозили куда-то на фанерную фабрику и на дрова. Делянки отмечались лесничим и вырубались прямоугольниками. Деревья распиливались и складывались в поленницы, сучья собирали и сжигали. Вот туда и направил бригадир бригаду женщин-колхозниц, обламывать ветки и вязать веники. Колька думал не долго – заработать рубль не мешало бы, и мы направились на делянку. Там всю кипела работа – лесорубы валили березы и обрубали сучья, а женщины обламывали ветки и вязали веники. В конце дня учетчик у каждой примет работу, кто сколько навязал, тот столько и заработал. Мы с другом тоже взялись за работу: Колька стал обламывать ветки, а я – вязать веники. Не успели мы связать десяток, как приехала подвода и стали грузить готовые веники, чтобы увезти их и развесить под сараем для просушки. Учетчик дядя Ваня сказал, чтобы мы ехали вместе с вениками и там их развешивали.

Вечером он нас похвалил за работу и сказал, что деньги получите в кассе, когда будут давать зарплату всем. Мы с Колькой приуныли – деньги нужны были сейчас, но долго не горевали, побежали по домам – хотелось есть. По дороге домой договорились, что сегодня пойдем смотреть кино, если не проберемся в зал, то может посмотрим в окно. Летом вечером в клубе кино можно посмотреть и в окно, так как было душно и окна открывались. Главное чтобы успеть занять хорошее место, так как любителей посмотреть бесплатно хватало, село было большим и ребятишек было много. Так закончился один летний день, но завтра будет новый и мы найдем чем себя занять, в нашем распоряжении было много чего.

85. Воробьи

На дворе было солнечно, день обещал быть жарким. Я сидел на крыльце и от нечего делать наблюдал за воробьями. Пара воробьев жили у нас под крышей навеса. Навес, это плоская крыша на столбах, забранная жердями и покрытая соломой. С двух сторон навес был открыт, а с двух – закрыт забором из не толстых бревен. Вот между жердей воробьиная пара и свила свое гнездо в соломе. Зимой воробьи жили в скворечнике, они заняли его после того как улетели хозяева в теплые края. По весне воробей стал обустривать в скворечнике гнездо, намереваясь остаться в нем на лето со своей подругой. Но старые хозяева по весне вернулись с юга и расстроили все воробьиные планы. Они быстро выдворили квартирантов и выкинули их гнездо. Воробью пришлось искать новое жилье и нашел он его в соломенной крыше сарая.

У воробьев, видимо, уже вывелись птенцы и они суматошно летали туда-сюда, таская корм своей голодной ораве, которая начинала пищать, когда кто-то из родителей прилетал с кормом. Вот за этим занятием и застал меня мой друг Колька. Он сел рядом прямо на траву и тоже уставился на сарай. «А у нас они за окном живут, за наличником», – сказал друг. – «И тоже птенцы пищат». Нам быстро надоело смотреть на воробьиную пару, и Колька сказал: «Давай посмотрим ципушек, какие они, наверное уже оперяются». Я посмотрел на него и согласился: «Давай, если достанем». Мы быстро подошли к тому месту, куда залетали воробьи. Нам хотелось только посмотреть на птенцов и вернуть их на место. Воробьи, почуяв неладное, с громким чириканьем носились вокруг нас. До крыши было не достать и мы подставили чурбак. Колька встал на него и потянулся к щели между жердей, но все равно руки не хватало. Я обхватил его ноги и хотел приподнять его и только ноги оторвались от чурки, как Колька, потеряв опору, грохнулся на землю. Он сел на зад и стал тереть ушибленную руку. Я испуганно смотрел на друга и спросил: «Ты не сломал руку-то?» – «Да вроде целая, только оцарапал» – ответил друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.